

Вероника Ткачёва

Лобстер
и
картошка в мундире

Вероника Ткачёва

Лобстер и картошка в мундире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095423

ISBN 9785448540028

Аннотация

«Лобстер и картошка в мундире» собрала под своей обложкой лучшие публикации автора в Facebook за последние несколько лет: смешные случаи из жизни, рассказы, сказки... Книга пронизана теплом, светом и юмором. В. Ткачёва – автор книг для детей и взрослых, некоторые из них месяцами держатся в десятке бестселлеров на Amazon и Bookmate, а её «7 женских историй» изданы к 60-летию Союза писателей России в серии «Лучший автор – 2015».

Содержание

Несколько слов к читателю	7
Кто есть ху	8
Писательские невзгоды	10
Два сердца на снегу	12
Старая газета – в подарок	13
Тётка. Новогоднее	14
Шапка от дизайнера	18
«Им тоже тяжело...»	19
Однажды я работала журналистом...	23
Посвящение в театралы	26
Малышка	27
...All my troubles seemed so far away...	29
А ты уменьшила энтропию?..	30
Ароматы шипра	32
В деталях – Бог	33
Вероника Николаевна	35
Всё будет хорошо	36
Семейные ценности	37
Длинношеее	41
Как здоровье коня?	42
Как объехать пробки	43
Для детей теперь странно рисуют...	44
Умная машина	45

Вот почему так?!	47
Кекс-воспитатель	48
Книга о самолётах	50
Корни	52
Культур-мультиур	53
Ласточки	57
Сказки об Одуванчиках	59
Мама может всё	62
Время по Гринвичу, московское время, моё время...	64
Пасхальные яйца	65
Муж смотрит боевик...	67
Отпечатки пальцев лучше не оставлять	68
Не надо!	73
О летучих мышах	76
А во-вторых...	78
Об органной музыке	80
Почему родной муж родной жене не доверяет	82
Прошлое – в нас	86
Роскошь простых вещей	87
Сейчас готовила пирог...	91
Семья 1, семья 2...	92
Суконный язык юристов	94
Я ничего не теряю	95
В Даниловском монастыре	100
О женском возрасте	109

Бардак	110
Идеальная мама	111
«Плохой-хороший полицейский»	116
И снова про плохого и хорошего полицейского	118
Когда не пишется...	121
Говорящая собака	123
Содержание женской сумочки	125
Сочетаемость	127
Селфи с Лермонтовым	128
В Маяковке на «Мертвых душах»	129
В театре «Современник»	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Лобстер и картошка в мундире

Вероника Ткачёва

Редактор Любовь Бросалина

Иллюстратор Анна Шабанова

© Вероника Ткачёва, 2017

© Анна Шабанова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4002-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов к читателю

Сейчас многие ведут блоги: публикуют в соцсетях свои мысли, истории; кричат об обидках и докладывают об инсайтах; делают перепосты рецептов и понравившихся стихов, восхищаются цитатами «великих».

Я не исключение. Уже несколько лет я публикую в «Фейсбуке» всякую всячину, которая со мной происходит. Кто-то находит её интересной и регулярно читает. Некоторые даже просят издать отдельной книгой. И я решилась: издаю!

И в этом уже давно нет оригинальности. Таких книг издано достаточно. Кто-то даже смело называет эти свои издания новым жанром или же броско пишет «вне жанра». Думаю, что количество подобной литературы уже породило новый жанр. Ему пока нет точного названия. Но скоро будет. Вот и моя книга в этом уже существующем, но пока не названном точным именем жанре.

Здесь вы встретите и реальные истории, которые произошли со мной и моей семьёй, и сочинённые сказки-притчи-рассказы, и мои мысли вслух, и путевые заметки, и многое другое. Надеюсь, что книга подарит вам много приятных, позитивных минут!

Всегда ваша,

Вероника Ткачёва

Кто есть ху

Без вводных, увы, не обойтись, потому что не все дружат со мной на ФБ и не все знают людей, которых я буду тут упоминать. Поэтому придётся, как в пьесе, указать действующих лиц. Итак.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мой муж Дима – мужчина средних лет, энергичный, целеустремлённый, умный, обаятельный, когда того пожелает.

Моя старшая дочь Катя – ныне совершеннолетняя, не любит, когда её называют Екатериной. 3-й год учится в Англии, поэтому в рассказах она появляется эпизодически.

Моя младшая дочь Диана – сейчас ей 11, с детства в семье её зовут Дианой Дмитриевной и часто на вы.

Моя мама Тамара Юрьевна – любит меня очень-очень, но в воспитательных целях изо всех сил старается этого не показывать. И я её очень-очень люблю, но по странной традиции, сложившейся в нашей семье, тоже стараюсь показывать это только в крайних случаях.

Мой папа Евгений Демьянович – будет появляться на этих страницах крайне редко, но это не значит, что я его люблю меньше мамы. Помните этот дурацкий вопрос в детстве – а кого ты больше любишь: маму или папу? И пауза такая. Типа, загадочная. Типа, уели тебя. Так вот, я с детства

знаю ответ на этот вопрос. Я люблю маму и папу. И всё.

Андрей Корольков – талантливый поэт, мой друг, человек, советами которого я очень дорожу, себя называет моим соратником по несчастью (это он писательство имеет в виду).

Другие – продавцы, покупатели, попутчики, знакомые и незнакомые люди, все те, кто окружает нас каждый день и помогает создавать нашу индивидуальную родную реальность.

Когда пишешь книгу, то твоя первоочередная задача – сориентировать читателя и ответить на главные вопросы: кто? где? когда?

На первый вопрос я уже ответила.

Теперь о пространстве, в котором происходят события. В основном, это Москва. В противном случае я буду указывать город, страну, полустанок.

Ну и когда всё происходит. Под этой обложкой собраны истории, которые написаны мной в 2015—2017 гг. Иногда это более ранние вещи, но все они были опубликованы на ФБ в указанные года.

Если честно, я ненавижу в пьесах вот эту часть. Всегда её читаю вполглаза. Зато потом думаю – кто-кто? где-где? И снова и снова возвращаюсь к нелюбимой памятке в виде действующих лиц. Если мы с вами одной крови, то уж простите за эту часть, просто без неё ну никак.

Писательские невзгоды

Хочется начать с этой выдержки. Ничего не изменилось с возникновением современных технологий: электронных книг, блогов, щадящей карманы издателей «печати по требованию»; писатель по-прежнему получает до смешного мало за свой труд. Если вообще что-то получает. И тем не менее тысячи отважных всё равно пишут. Такие же отважные идут поступать в театральные или художественные училища, в балетные школы, в литинституты. И никакой пример тысяч и тысяч их предшественников, канувших в неизвестность, спившихся, отчаявшихся, нереализовавшихся, не пугает этих отважных. Они просто не в состоянии жить иначе. Они не могут не играть, не танцевать, не писать картины. Как я не могу не писать свои рассказы и сказки...

Но что-то я заболталась, ещё успею нависказываться. А теперь слово мастеру!

ПИСАТЕЛЬСКИЕ НЕВЗГОДЫ. ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС.

Газетные заметки (1961—1984).

«Писать книги – занятие самоубийственное. <...> Не думаю, что много найдётся читателей, которые, закрывая книгу, спросят себя, скольких мучительных часов, скольких домашних бедствий стоили автору эти двести страниц и сколь-

ко он получил за свой труд. Чтобы покончить с этой темой, сообщим к сведению несведущих в этом деле, что автору достаётся лишь десять процентов того, что покупатель платит за книгу. То есть вклад читателя, который приобрёл книгу за двадцать, предположим, песо, в укрепление благосостояния писателя равен двум песо. Остальное забирают издатели, рискнувшие напечатать его сочинение, распространители и книготорговцы.> ... <В свете этих невесёлых размышлений сам собой напрашивается вопрос – а для чего пишут писатели? Ответ прозвучит столь же мелодраматично, сколь искренне. Ты родился писателем, как кто-то рождается евреем, а кто-то чернокожим. Успех пьянит, любовь читателей окрыляет, но это всё дополнительно и второстепенно, потому что хороший писатель будет писать, даже если башмаки у него рваные, а книги не продаются...»

Два сердца на снегу

Иногда мудрость высказываний «древних и великих» вдруг проявляется в одном моменте. Правда, как известно, каждый момент нашей жизни удивителен и неповторим. Только не замечаем мы этого. Верим в означенную истину, но как-то вяло. И вот вдруг ты оказываешься лицом к лицу с этой неповторимостью...

Полчаса назад младшая дочка выглянула в окно. Позвала меня: «Мама, смотри!» Я с ланчей, собирая по пути пустые чашки из-под чая, подошла к ней.

«Мама, смотри, на снегу два сердца! Машины колесами прочертили».

И правда – два сердца! На свежем, чистом снегу. Удивительно!

Пошла за телефоном. Только успела снять, как машина двинулась. И сердце не стало.

Словно послание Вселенной, которое по прочтении почему-то велено уничтожить. Послание о любви и нежности. К нам. Двоим. Впрочем, как и ко всем живущим на Земле.

Правда, вряд ли кто-то ещё видел это, даже если и смотрел в окно. Только незамутнённым детским взглядом можно было прочитать это послание... Я бы тоже не прочла. Даже если бы посмотрела в окно. А сколько ещё – посланий, шансов, откровений – я не увидела, не прочла, не поняла?..

Старая газета – в подарок

По ФБ реклама ходит: «Старая газета в подарок. Подберём к нужной дате». Идея-то хорошая, вот только...

Был недавно у мужа день рождения. Заказала я ему такую газету-ровесницу, как умная Маша. Сама довольная такая! Смогла что-то оригинальное мужу подарить.

Фирма сказала, что на этот день у них только «Правда» в наличии. Так-то ещё «Известия» бывают или «Московский Комсомолец» там, или ещё другие газеты. Но вот на эту дату только «Правда» одна и осталась. Я подумала, что название у газеты всё-таки хорошее, жизнеутверждающее, позитивное. Не какие-то «Известия». Что это за название такое – ничего особенного. Вот «Правда» – это да! В общем, заказала.

Настал мужнин ДР. Утром дарю знаковую газету своему имениннику. Он чуть не прослезился от умиления. Зайцем меня назвал. Я его медведиком. Идиллия, в общем.

Вечером муж приходит с работы. Загадочный такой. После ужина говорит, что прослезился сегодня два раза. Второй – уже от смеха и на работе. Когда ему сослуживец такую же «Правду» подарил.

А я подумала: вот гадство, хоть бы «Известия», что ли, были для разнообразия...

Тётка. Новогоднее

Вчера, то есть третьего января, была в аптеке.

На всю аптеку – четыре человека. Два фармацевта за двумя кассами. И два покупателя около этих самых касс: тётка какая-то и я.

Поэтому никто никуда не спешил: моя фармацевт с чувством, с толком, с расстановкой пробивала то, что я, наверное, в состоянии аффекта набрала: пластыри «Антитоксин» (которые, как выяснилось дома, не совсем пластыри, а подушечки, и их к тому же к ступням (!) нужно прилеплять; кошмар, короче!), маски для волос-лица-ног-рук, гели какие-то, мочалки (как будто мало их у нас!). Видимо, по шопингу соскучилась. Только так могу объяснить себе свои покупки.

Параллельно со мной тётка выбирала средство по уходу за волосами. Прямо на кассе. Знаете, у касс вечно какую-то ерунду кладут, к которой руки так и тянутся.

– Какое у вас хорошее средство по уходу за волосами?

– Вот это. «Лошадиная сила».

– «Лошадиная сила?» Эм... А это?

– Это тоже «Лошадиная сила». Для сухих волос.

– Опять лошадиная?.. – по голосу тётки слышно, что она не чувствует себя лошадью, а на голове у неё вовсе не грива, и ей хочется не лошадиного ухода за собой, а человеческого.

– Они все из серии «Лошадиная сила», – с радостью вещает фармацевт.

– Да? И это?

– И это.

Я внимательнее смотрю на тётку. Мне тоже эта «лошадиная сила» как-то поперёк уха. Я тоже не чувствую себя лошадью. Я чувствую себя тем, кем и родилась: человеком. И тоже настроена ухаживать за собой человеческими средствами. А не лошадиными, кошачьими или собачьими.

Тётка меня не впечатляет. Даже напрягая всю свою зрительную память, подключая воображение, не могу сейчас представить себе её лицо.

Что-то тотально серое. Сизое полупальто на пуху. Блёклая шапка, надвинутая чуть ли не на самые глаза. Волос, за которыми она так жаждет ухаживать, под ней вообще не видно. Цвет лица тоже серый. Мелкие морщины кругом (мне, конечно, видны места, где нет одежды, но под ней наверняка то же самое – морщины, морщины, морщины...). Ни грамма косметики. Возраст?.. Может быть, чуть за 50. А может, и чуть за 60.

В общем, мышь серая. Правда, шапка хоть и недорогая, но модного фасона, молодёжная. Но не скажу, чтобы она украшала тётку.

Женщина, так и не выбрав средство по уходу за волосами, окидывает взором другие товары у кассы:

– А это что у вас?

– Презервативы.

– Презервативы? – в голосе тётки интерес, она берёт одну коробочку в руки.

– Да. С запахом шоколада.

– С запахом шоколада? – тётке становится всё интереснее.

– Да.

– А сколько их в упаковке?

– Два.

– Всего два?.. – как-то разочарованно тянет тётка. –

А сколько стоит?

– Сто сорок восемь рублей.

– Хорошо, пробейте.

Мы трое – два фармацевта и я – делаем вид, что сильно погружены в свои дела. Я лихорадочно роюсь в кошельке, хотя платить ещё рано. Моя фармацевт деловито щёлкает кассой. Тёткина – вторит моей.

Мышь серая как ни в чём не бывало стоит. С интересом изучает красивую коробочку с презервативами, которая вот-вот станет её.

Возможно, фармацевты люди привычные. Или им вообще всё равно. А вот у меня воображение сильно развито. И наблюдательность тоже есть. И логика. И в моей голове моментально выстраивается вот такая цепочка: тётка явно небогатая, а презервативы почти по 150 рэ; если она замужем, то не напасёшься; значит, не муж, а любовник. Которому два может быть маловато за раз. Да ещё и затейники эдакие –

с запахом шоколада, понимаШЬ!

Вот тебе и серая мышь. Молодец тётка! Да, может, и не тётка вовсе.

А как снимет она свою бесцветную шапку, как помоеет свои волосы хорошим нелошадиным шампунем, как накра-сится... Какая такая тётка?! Женщина!

Шапка от дизайнера

Купила себе шапку от прибалтийского дизайнера. Как всегда у них – вроде бы ничего особенного, всё просто, но при этом с налётом какого-то нездешнего шика.

Надела.

А Диана была, видимо, под впечатлением от очередного просмотра «Голоса». Нагиев там вечно своим прикидом выделяется: то «цЕпочка» какая-то между пальцев намотана (аля чётки, но совсем не они) и он её брутально так крутит, то в очках всю дорогу, будто там курорт, а не работа, то ещё что-нибудь эдакое с гардеробчиком своим учудит...

– О-о-о. У тебя новая шапка, – констатирует Диана, – ты в ней на Нагиева похожа.

Наверное, это было одобрение. И даже комплимент.

Наверное.

«Им тоже тяжело...»

Почти сказка

– Послушайте, я вас люблю!

– Ой, кто здесь?

– Я...

– Девушка, вы тут в темноте стоите... Опасно же. Обидит кто. Или наедет. Вас же не видно почти.

– Я вас жду.

– А я вас сразу и не заметил. Тут за день так намелькаются перед глазами – люди, машины... Как говорится, смешалось в кучу: кони, люди...

– А я тут давно стою, чтобы сказать...

– Да вы дрожите. Замерзли! Надо домой. Там мама уже ждёт. Или кто дома-то?

– Мама. Но я вас люблю.

– А маму?

– И маму.

– Вот и хорошо. Вот и чудно! Маму надо любить. А меня не надо.

– Но...

– Ну подумайте сами, моя хорошая, на что я вам. У меня жена, дочь, кошка. Вон, «Шебу» ей несусу. Вот, смотрите. Видите?

Шуршит пакетами, достает и показывает кошачий корм, а всё это время продолжает говорить:

– Кроме «Шебы» не жрёт ничего. Так голодная и будет сидеть. А у меня работа: два через два одна и две через две – другая. Работы, то есть, две. То есть два через два дня одна работа, и потом в свободное время две через две ночи – другая. А мои бабы тоже – воспитывают её. Мусю нашу. «Шеба» кончится, так рыбу ей суют. Ну не ест она рыбы! Не любит.

– А я вас люблю.

– Ох. Ну я же объясняю. Меня любить нельзя. Я больше женской любви не вынесу. У меня, сама посчитай... Ладно, я посчитаю, у тебя уже пальцы синие, не загибаются. Возьми мои перчатки. А я свои пальцы буду загибать. Считаем: две мамы у меня, слава богу, живы – и тёща, и моя. И обе, тоже слава богу, отдельно живут. Но – продуктов мамам привези, на дачу мам отвези, потом их оттуда забери... И всё в разных концах Москвы и Подмосковья. А сейчас пробки, сама знаешь, какие.

Загнул два пальца и продолжает:

– Жена моя тут вот недавно, например, говорит: пылесос сломался. Я ей: давай починим. Она: нет, он старый, его бесполезно чинить, надо новый покупать. Ну, я напрягся, подзаянл там. Купили. Домой приносим. Распечатали. Зверь! Старый, перед тем как выбросить, включили на всякий случай. Тоже заработал. «Так какого!..» – говорю. А жена – «Ничего, маме на дачу отдадим, а этот всё равно мощнее».

Мужчина основательно загнул третий палец, потом, через секунду, ещё один, видимо, кошку вспомнил.

– Но я вас люблю, мне от вас ничего не нужно...

– Милая, ну куда я тебе? Куда? Меня и так мои бабы на части рвут, только успеваю поворачиваться. Ты тут не вклинишься, нет. Дочка вот ноет – сапоги ей нужны. Только купили. Месяца не прошло. Нет, уже немодные стали. Как они за месяц станут не модными? Вот как?! Завтра выходной – поедем сапоги покупать.

Мужчина при этом со значением загнул пятый палец. И потряс кулаком.

– Но я бы окружила вас любовью и заботой...

– Милая, я бы хотел, чтоб меня хоть один мужик окружал, среди этого бабьего царства! Кореллу тут купил. Попугая. Мироном назвал. А Мирон этот мне через две недели яйцо снёс. А я на смене был. А он, то есть она, сидит на яйце, ни пить ни есть не отходит. Ослабела птица. Мне мои звонят: что делать? Я им: яйцо выньте, да и все дела! Они: мы боимся, она шипит на нас, клюв разевает. Вот ещё курицы две! И эта третья, яйцо, вишь, снесла. Приехал, перчатку надел. Выкинул яйцо это. У неё как просветлело в голове, у Мирановны нашей, кинулась воду пить, потом зерно клевать. Ну ничего без меня не могут!

Мужчина посмотрел на загнутые пальцы на одной руке. И отогнул указательный на второй. И, как бы грозя им кому-то, повторил:

– Ну ничего без меня не могут!

– И я не могу.

– Нет, нет! Я ещё одной не вынесу. Не вынесу я! Любишь меня?

– Люблю.

– Хорошо, люби. Но иди домой, раз любишь. Пожалей ты меня! Нет-нет, не вынесу я... – сказал мужчина.

Повернулся и пошёл домой, шурша кучей продуктовых пакетов.

Неземное создание прижало перчатки любимого к сердцу, вздохнуло, распушило пёрышки и... улетело.

Однажды я работала журналистом...

Однажды я работала журналистом. На телевидении. Как-то я пришла в дружественную телевидению контору, которая снимала документальное кино для телеканалов типа «Домашний». Что-то мне там надо было. И вот подгребают ко мне коллега: рыхлый стареющий мальчик плюс-минус подза сорок, с очками, лысеющим лбом и кругленьким пузиком. Всё это (как и он сам) какое-то неявное: пузико дрябленькое, несмелое, совсем не арбузное; волосёнки с переменным успехом маскируют свободные места, оставшиеся от безвременно ушедших своих собратьев; общая рыхлость характера прячется под наигранным напором, а подбирающаяся старость прикрыта хроническим инфантилизмом...

В общем, натерпелся он за свою жизнь от женщин, это точно!

Был он, как я уже сказала, мой коллега – журналист то бишь. А почему-то многие журналисты считают себя всезнайками, хотя на самом деле не знают ничего. Даже русский язык толком не освоили, а уж его-то они обязаны знать, рабочий инструмент.

И вот подгребают ко мне этот потерпевший от женщин. Развязной такой походкой – душевед и человекознайка. Об-

менялись мы с ним какими-то фразами. И смотрит он с прищуром сквозь очки, которые были модными никогда в никаком году. И, надеясь куснуть меня, говорит:

– А хочешь, я всё про тебя расскажу?

– Ну давай, – стало интересно мне.

Он дальше смотрит на меня. Типа, на нервах на моих играет. Типа, считывает меня. Потом голосом, претендующим на жёсткость и резанье правды-матки, говорит:

– Ты притворяешься, что тебе двадцать пять. Но тебе гораздо больше. – Мужчина ничьей мечты выдерживает драматическую паузу, дабы я ужаснулась. – Тебе на самом деле тридцать... (ещё небольшая пауза – сомневается, но потом решает вредничать по полной, видимо, вспомнив каждую обиду, нанесённую ему за всю его жизнь женщинами) три! – добавляет он мне годков.

Сказал и смотрит на мою реакцию: «Мол, ну что? уел я тебя?!.»

Я улыбаюсь. Вернее, продолжаю улыбаться. Вежливо.

Он немного сбит с толку моим солнечным спокойствием и начинает говорить быстрее. Наверное, чтобы скрыть своё разочарование – главный-то козырь не сыграл.

– Ты не замужем. Разведена. Но у тебя есть ребёнок. Мальчик, – слова сыплются из него тяжело, каждое пытается припечатать меня позорной печатью.

Сказал и опять смотрит. Победно так.

Я – улыбаюсь.

Он растерян. Уточняет:

– Я прав?

– Абсолютно, – отвечаю я, расплываясь в своей самой лучезарной улыбке.

– То-то, – пытается добить он меня, – я вижу женщин насквозь.

За это время мои дела в этой конторе как-то решились: то ли бумагу подписали, то ли что-то перекинули на флешку... не помню я уже. Короче, ушла я оттуда. Особенно вежливо с пронизательным стареющим мальчиком попрощалась.

На тот момент мне было 38. У меня подрастало двое детей. Женского пола. А в браке я до сих пор. Как вышла замуж в двадцать один год, так до сих пор и замужем. За тем же самым мужем.

Посвящение в театралы

Вчера младшая дочка, увидев на моем столе один театральный билет, с удивлением спросила:

– Мама, ты опять идёшь в театр?

– Ага, – сказала я, зачем-то протягивая ей билет (наверное, чтобы мои слова звучали веселее).

Дочка взяла билет и, ни секунды не раздумывая, заунывным, утробным голосом начала говорить, касаясь при этом билетом моих плеч и лба:

– Посвящаю тебя в театральные мамы.

Вот. Теперь я не просто мама. А ещё и театральная.

Кстати, идём сегодня с ней на «Синюю птицу».

Тоже посвящаю дочку – в театралы.

Мальшка

Сегодня опять была в аптеке.

Стояла в очереди... не то что в очереди, но передо мной женщина что-то покупала. А следующим номером шла я.

Копошилась она с каким-то лекарством. Вспоминала-вспоминала, так и не вспомнила его название.

– Ну, тогда мне ещё бинт, – говорит, – нужен.

– Вам такой или такой? – спрашивает фармацевт. «Один подороже, другой похуже, судя по цене», – одновременно прикидываем в уме мы с женщиной.

– Получше, конечно, – говорит она.

А лет ей так к шестидесяти подходит.

И тут добавляет:

– Я мизинчик сломала. Мне его надо бинтом к другим пальчикам приматывать.

Сказала. И ждёт. Реакции.

Реакции нет.

Только фармацевт там, за стеклом, в своих шкафчиках-ящичках копается – бинт ищет; кассой строчит, как машинкой швейной, – бинт пробивает.

Ну а какая может быть ещё у неё реакция? Сказать «ужас какой»? Ну так не ужас. Ужасов сейчас других много. Хоть бы поменьше уже! Самолёт взорвали с нашими туристами. Это ужас. Или рак, не дай никому бог, кругом.

Плохо, конечно, что-то ломать. Но тут вроде мизинец. На ноге. (Поскольку пальцы на руках у женщины, как я заметила, двигаются нормально.) Не тазобедренный сустав. Или там рука. А если ещё правая. А мизинец даже в гипс не надо класть. Только приматывать, чтобы в покое был.

А женщина ждёт. Реакции. Чтобы как-то дождаться, повторяет:

– Мизинчик я сломала.

И вздыхает.

Жалобно.

Ей шестьдесят почти, а у неё не мизинец, а мизинчик. Как у маленькой девочки.

Она такая и есть – пятилетняя малышка, упрямая в стареющее тело каким-то злым волшебником. И хочется её пожалеть. Погладить по голове. Сказать волшебные заговорные слова: «У кошки боли, у собаки боли, а у тебя, малышка, не боли...»

Но не скажешь же.

А потому и реакции нет. Ни у фармацевта. Ни у меня. Молчим. Жалеем. Хоть дуй на этот мизинчик, чтобы меньше болел.

А женщина берёт свой бинт и сдачу. Вздыхает. И уходит, наступая на свой сломанный мизинчик. Не дождавшись ни от кого волшебных исцеляющих слов.

...All my troubles seemed so far away...

По утрам перед школой младшая дочка занимается по скайпу с учителем английского, суббота и воскресенье – выходные. Муж тоже иногда освежает свой английский с тем же преподавателем. У того своя методика: задаёт учить песни, грамматику как-то интересно подаёт... в общем, дочка занимается если не с удовольствием, то без отвращения, но всё-таки... Сегодня утром (если кто забыл, то сегодня пятница, хотя, думаю, что таких нет :)), попрощавшись с педагогом, Диана поёт себе под нос, слегка переделав «Битлз»: «Bye-bye... all my troubles seemed so far away...»

И уж извините, знаю, что знаете :), но во всех приличных книгах положено давать переводы, поэтому прилагаю свой, литературный, так сказать: пока-пока... все мои проблемы выглядят такими далёкими...

А ты уменьшила энтропию?..

Вчера днём мне звонит муж. Просто узнать, как я там.

– Чё делаешь?

– Да вот, песню написала.

– А-а-а... – тянет он совсем без энтузиазма.

– Преподу вашему с Дианой, по английскому, – пытаюсь подогреть я его интерес.

– Что преподу? – не понял муж.

– Песню написала. Ну, текст для песни.

– А зачем ему текст для песни?

– Так он музыкант. А английский у него, так сказать, вторая профессия.

– Он музыкант?! – как-то даже взбадривается мой муж.

– Ты с ним год уже занимаешься и ничего про него не знаешь. А я только два дня общаюсь по мылу. И уже всё знаю! – хвалюсь я.

– Так я с ним английским занимаюсь, а не политесы развожу, – ставит меня на место муж строгим голосом.

Мне очень не хочется стоять на этом месте, а хочется перевести разговор на новоиспечённую песню, поэтому я опять завожу своё:

– Вот, представь, песню написала.

– Ну и как? – снова с ленцой реагирует муж.

– Не знаю ещё... Только отослала текст. Но на мелодию,

по-моему, лёг.

(Мелодия уже была написана этим преподавом и мне прислана.)

– Ну и как, – интересуется муж, – ты уменьшила вселенскую энтропию или увеличила?

– Уменьшила, конечно! – отвечаю по-пионерски.

– Я вот только забыл: хорошо уменьшать энтропию или хорошо увеличивать?.. – с той же ленцой говорит муж.

А я себе понимаю, что он заранее мне готовил засаду. Вот такой он! Но не в этом, как говорится, песнь.

Я теперь второй день хожу и думаю: увеличила я энтропию или уменьшила. И что же всё-таки лучше?..

И вообще, в принципе, в философском, так сказать, аспекте – как я живу? Увеличиваю энтропию? и я тоже? медленно подталкиваю вселенную к концу её? или можно своими действиями как-то затормозить, а то и повернуть вспять? и что повернуть?..

Лазаю по справочникам теперь. Озадаченная. Не до песен уже. А муж давно, наверное, позабыл про энтропию. И про песню, небось, тоже. И в ус не дует. Ну весь он в этом!

Ароматы шипра

Сегодня муж обнаружил на своей полочке в ванной какой-то неведомый ему пузырёк.

Спрашивает меня (строго):

– Твоё?

– Нет.

– Духи в розовом пузырьке с надписью «Орхидея» не твои?! – уточняет муж уже с лёгким наездом.

– Нет, – отвечаю, – не мои, я вообще не люблю косметику этого производителя.

Муж недоумённо начинает разбрызгивать духи.

По ванной уверенно разливается сладковато-цветочный, с каким-то дешёвым послевкусием, душок.

Муж внюхивается.

– А-а-а-а, – говорит, – мне это «Шипр» напомнило, потому и купил.

Видимо, ностальгия у него.

В семье моих родителей слово «шипр» до сих пор нарицательное, спасибо одноимённому одеколону! «Пахнет, как «Шипр» – означает парфюмерию с ужасным запахом. И тут нате – оказывается, это повод для покупки. Теперь в моём доме пахнет шипром. Мама, не приезжай, пока не выветрится!

В деталях – Бог

В деталях кроется Бог. Или его противоположность.

Именно на деталях может погореть романист. Чуть ли не первое правило из кодекса писателя: если плохо знаешь историю как науку, не пиши романов, где действие происходит во времени, в котором не жил. Детали подведут тебя.

И наоборот: незначительные вроде бы штрихи в виде запахов, звуков, например, придадут достоверности и жизни рассказу...

Вчера с мужем смотрели фильм «Овечка Долли была злая и рано умерла». Фильм понравился. Добрый и человечный. Хоть и наивно-нереальный. Есть небольшие вопросы к сценарию, но это уж если совсем по косточкам разбирать. Однако одна вещь нарушила наш с мужем покой. Мне так до сих пор покоя нет. Сижу вот. Пишу даже об этом.

Был там кадр красивый с канифолью. Такой большой кусок канифоли где-то нашли. И этот роскошный шмат на просвет показывается. Крупным планом. Янтарный весь. Светящийся прямо. И его плавит наконечник паяльника. Который буквально тонет в этой шикарной канифоли. Паяльник погружается чуть не по самую рукоятку...

Муж хмыкнул: «Это кто ж так паяет?! Они хоть раз в жизни паяли? Спросили бы у кого, что ли. Где это видано, чтобы канифоль такими кусками лежала. Да ещё ТАК её плавил.

А про припой они вообще ни разу не слышали?..»

И после этого стал смотреть фильм вполглаза. Вернее, одним глазом косился на экран, а другим в газету. Причём газета явно перевешивала.

В деталях кроется дьявол. И он подставит тебя. Обязательно. Если ты пренебрегаешь деталями.

И в деталях – Бог.

Если ты правдив в мелочах, то поверят любому твоему вымыслу. Потому что он будет живым. И реальным.

И это чуть ли не главное правило писателя. И... лжеца.

Вероника Николаевна

Старшая дочь просит разрешить ей покрасить волосы в серый цвет. Я, естественно, против. Она меня уговаривает. Долго. Переходит на имя-отчество.

– Ну, Вероника Евгеньевна!

– Ну, Екатерина Дмитриевна! – в тон ей говорю я.

– Я уже 17 лет Екатерина Дмитриевна.

– А я уже страшно сказать, сколько Вероника Евгеньевна, – отвечаю.

– Тогда давай я буду звать тебя Вероникой Николаевной, – предлагает дочь.

– А при чём здесь?.. – не понимаю я.

– Вероникой Николаевной ты будешь недавно, будет сразу не страшно...

Всё будет хорошо

Диана нервничает по какому-то поводу. Я по привычке ей говорю:

– Не переживай, всё будет хорошо!

– Мама, вот сейчас мне стало ещё хуже!

– Почему же?

– Потому что после этих слов понимаешь: всё! Точно!

Что-то НЕ хорошо!

Семейные ценности

Мой муж удивительно похож на мою маму (да-да, не на папу, как утверждает фрейдистская теория, хотя на него, наверное, тоже похож). Но с мамой у них как-то больше всего совпадает – реакции, страхи, оценки...

Вообще меня окружают какие-то похожие друг на друга люди. Дети вот тоже...

Мы лет семь назад капитально переезжали. Не из одной квартиры в другую, а из загородного дома в Москву. Это, надо сказать, два совершенно разных образа жизни – загородное житьё и городское. Это ж надо ж решиться. Мне-то давно было ясно, с какого конца огурец лучше есть, с какого он вкуснее. То есть, где жить лучше.

Вот мусор, например. Чтобы за городом его вынести, нужно одеться. А если зима? Сапоги, куртку, штаны потеплее натяливаешь, пыхтя и ворча. А если ещё мороз. А если снег и ветер. Да и в другое время года нас погода в средней полосе не балует – то дождь, то грязь, то ещё что-нибудь. Я за десять лет загородной жизни и забыла, как оно бывает в городе: вышел на лестничную площадку, там мусоропровод, раз – и нет мусора. Только в трубе что-то застучало, заухало – дыц-дыц-дыц-дыц, потом сочное – бам-м-м. Всё! Забыл о мусоре.

Но это ж всё потому, что мусор я выносила. Это ж мне надо было натяливать на себя. Муж на работе. Старшая в шко-

ле, потом уроки. Младшая – так её обалдеешь одевать, проще самой. Да и пакет ровно ростом с неё был, с трехлетнюю-то.

Да и не только мусор. Вот хлеб, например. Мы уже когда переехавши были, с год уже, наверное, опять в Москве жили, так я порой по привычке домой приходила и обмирала:

«Осподи! А хлеб-то забыла купить! Как же мы теперь?!»

И чуть ноги не подкашивались. А потом вспоминала, что мы в городе, слава богу. Вот супермаркет под окном, 24 часа в сутки работает. Иди да покупай.

То же самое с другими продуктами, лекарствами, чёрт-те с чем: «Боже-боже, я ж забыла!..» – и сердце колотится, и внутри что-то как ухнет вниз, как лифт какой-то, прямо до пола.

А потом:

«Фух! Я ж в Москве!»

И – счастье. И сразу вспоминаю все прелести: и магазин под боком, и мусоропровод, и тропинку к калитке от снега откапывать не надо – дворников вон сколько развелось.

Во времена моего детства одна дворничиха тетя-Нина четыре подъезда нашего дома мыла, мусор от 12 этажей, умноженных на четыре, выгребала, двор убирала – круглый год чисто было. И всё одна. И наш дом у неё был не единственный. Ну это так, в скобках.

Но вернёмся к великому переселению нашего семейства. Конечно, долго препирались по поводу переезда вообще,

в принципе. Но квартиру ремонтировали. А тут ещё пробки. Ну хоть руль на себя и – взлетай. Никак не проехать. Хоть пешком ходи. Так не дойдёшь же... Ни мужу до работы, ни ребёнку до школы – не дойти. Не дойти им, а в город рвусь я. Вот парадокс.

Ну всё. Квартира готова. Почти. Все знают, что ремонт закончить нельзя, его можно только прекратить. А таких в семье у нас почему-то не находится – чтобы ремонт прекратил бы одним мановением руки. Понимаю истину из советского моего детства – кто же, если не ты? То есть не я. Кто? Некому.

И тут я волевым таким голосом говорю: «Всё! Послезавтра переезжаем!»

Все, кроме младшей, говорят: «Ага». Младшей вообще всё равно, ей лишь бы мама рядом была. И все забывают.

На следующий день я гну свою линию:

«Завтра переезжаем. Вещи собирайте. Самое необходимое на первое время».

Все говорят: «Ага» и вещи не собирают.

Назавтра с утра голосом с металлическими обертонами я говорю:

– Сегодня ночуем в Москве.

Мужу и старшей дочке по отдельности. Как-то так получилось. Без общего сбора.

Сначала дочке.

А она:

– А там вода, телевидение и интернет есть?

– Есть.

– Точно? – сомневается она.

– Точно, – отвечаю с нотками неуверенности.

– Ну ладно, – говорит она мне (звучит как «Смотри, под твою ответственность!»).

Минут через пять мужу сообщаю:

– Ты не забыл, что мы сегодня в квартире, в Москве ночуем?

– А там вода, телевидение и интернет есть? – ровно в дочкином порядке и ровно в её тональности спрашивает он.

– Есть, – говорю, слегка опешив.

– Точно? – сомневается он дочкиным тоном.

– Точно, – совсем впав в обалдение, говорю я.

– Ну ладно, – тоном «смотри-под-твою-ответственность» отвечает он.

Но это ещё не всё. Проводив всех, я звоню маме и радостным голосом ей сообщаю:

– Мама, мы сегодня наконец в Москве ночуем!

А она мне... правильно:

– А там вода и телевидение есть?

Почему про интернет не спросила? Так мама ещё интернет-неграмотная была. Теперь-то обязательно бы спросила о нём. Третьей позицией.

Длинношеее

Тут вычитала слово. Надо с новой строки, чтобы заметнее.

Длинношеее

Сначала даже глазам не поверила. Думала, со зрением что-то – троится в глазах, что ли. А потом аж дух захватило – роскошь какая! А раньше – шла себе мимо. Мимо ТАКИХ слов!

Как здоровье коня?

Сегодня муж мне говорит: «Представляешь, у моего коня какие-то проблемы с зубами! Повёз его к врачам, а эти коновалы (в прямом смысле слова!) вкололи ему что-то, он успокоился, мы вернулись, а часов в 11 вечера конь...» И тут зазвонил будильник. И я проснулась. И напрямик к мужу: мол, что с конём-то? Но про коня из моего сна он мне не рассказывал. Говорит: окстись, когда это я лошадей, а вместе с ними и коней, любил?

Так я и не узнала, что же с конём мужа стряслось!

Но у истории есть продолжение. Опубликовала я текст про сон на своей страничке. А один френд меня и спрашивает: «Так что с конём? Надеюсь, всё теперь хорошо?»

Это мне механический переводчик перевёл. Сам-то френд мне на каком-то своём пишет, я даже и не знаю, на каком, потому что это не английский, не немецкий, не французский и не испанский, не арабская вязь и не иврит. В общем, не знаю я, какой язык. Ни на что не похож. Буквы латинские, правда. Ему, видимо, тоже механический переводчик переводил. Что он там ему понаписал, этот переводчик, одному Богу и известно! Но здоровьем коня интересовался живо, с сердечной теплотой. Приятно. Хоть и нет у нас коня. Никакого. Ни мающегося зубами, ни здорового.

Как объехать пробки

Сегодня муж перед работой открыл «Яндекс-карты». (Собственно, он это делает каждое утро.) Сидит, чай пьёт, а заодно маршрут прокладывает до офиса. Пытается хоть как-то избежать московских пробок.

Я отвлеклась на минуту. Потом смотрю, а у него на экране уже карта с районом Средиземноморья. Муж глядит куда-то в сторону итальянского «сапога», лоб наморщил, губы подбрал – что-то прикидывает, даже про чай забыл. Наверное, так решил пробки объехать...

Для детей теперь странно рисуют... Заметки с Кипра

Для детей теперь странно рисуют...

Сегодня надеваю младшей купальную шапочку.

– Кто это у тебя тут, – говорю, глядя на рисунок на шапочке, – мартышка, что ли?.. Или ёжик? – внимательнее приглядевшись, поправляюсь я.

– Мама, это же овечка, – отвечает младшая.

Эм... Вполне возможно...

Умная машина

Заметки с Кипра

Сегодня ездили с мужем в горы. Машина, доставшаяся нам, напичкана всякой электроникой по самое дальше некуда. Красавица да ещё и умница.

Надо сказать, что мы не заправились перед дальней дорожкой. И половину пути машина нудела: мол, топлива мало осталось, всего на 80 километров, на 70... на 60... Короче, делала всё правильно, но слегка нагнетала.

Всё обошлось – по проезжающим машинам не побирались, до заправки дотянули с большим запасом.

Вечером поехали в ресторан поужинать. Где-то на светофоре машина вдруг сказала, что в колесе у неё упало давление.

И тут мужа прорвало.

– Пип-пип, пи-и-и-и-ип! – сказал он. (Это я, как на телевидении, всё невежливое заретушировала.)

Выругал её, совсем как человека.

– За что ж ты так её? – стало мне обидно за машину. – Она сегодня так хорошо поработала. Сейчас тоже ничего не сделала плохого, просто предупредила...

– А потому что умная слишком, – злым голосом ответил муж.

Девочки! А давайте не будем показывать свой ум мужчинам, больше любить будут.

Вот почему так?!

После Кипра

Вот почему так? Тебя рубит на корню, потому что уже поздно и к тому же у тебя крандец какая акклиматизация – отвыкаешь от солнца и привыкаешь к насморочно-депрессивной московской погоде. Но вместо того чтобы пойти спать, ты сидишь и тупо выпучиваешь глаза на фейсбучные публикации или копаешься в почте, где уже давно все нужные письма прочитаны, ненужные удалены, а всем адресатам всё написано, и теперь даже рекламные сайты полковнику не пишут. На остальное – новости, умные статьи и даже глупые статьи – просто нет сил. И ты сидишь, клюёшь носом, но всё равно вялым пальцем кликаешь: ФБ – почта – ФБ... Вот почему так?..

Кекс-воспитатель

Вчерашний мой кекс улетел со свистом под энергичное чавканье. Сегодня утром за завтраком муж умял куска четыре. Или пять (кто ж их считает во рту мужа). Съел бы ещё, но кекс закончился. Младшая дочка в это время доедала позавчерашние мои же мини-кексики. Ела и стонала:

– А почему мне не даёшь этот кекс? Я тоже хочу.

– А потому что ты вчера из него выковыривала орехи и цукаты, не стала их есть. Это святотатство – из маминого кекса что-то выковыривать! Ешь вот теперь то, что дают!

– Я больше не буду выковыривать орехи! Мне они даже понравились.

– А зачем выковыривала?

– Ну я так... по привычке... я больше не буду, – ныла дочь.

– А цукаты? – подозрительно спросила я.

– Я их не люблю, но тоже не буду выковыривать, – стала клясться-божиться наша младшая.

А муж в это время под шумок, довольный, что конкурентов нет, уминал последний кусок.

Я тоже окрылилась, почувствовала себя прям супермамой – заставила, не заставляя, ребёнка есть орехи.

Вот оно – такое разное, правда, – родительское счастье!

P.S. Дабы сохранить атмосферу социальных сетей, я

не удержусь и опубликую рецепт этого кекса. Но в конце книги. Чтобы неинтересующиеся его не читали, а интересующиеся легко могли найти в любое время. Вот подумает интересующийся: «Дай-ка я испеку тот вкусный банановый кекс по рецепту Вероники Ткачёвой. Где он там? А, в самом конце „Лобстера и картошки в мундире“. Ага, вот... „Взять спелый банан...“»

Рецепт мой собственный, авторский. Я его изобрела. Ещё и поэтому решила опубликовать его в этой книге. Кроме того, наверное, у многих есть проблема утилизации переспевших бананов. Я предлагаю вкусное решение. И ещё: в кексе мало сахара и много фруктов, поэтому он полезнее другой выпечки. И последнее его достоинство – он просто вкусный. Кекс полюбила вся наша семья и все наши гости, поэтому есть вероятность, что и вам он понравится.

Книга о самолётах

Сейчас разбираю книги. Среди них попала одна, напомнившая мне эту историю...

Я училась тогда на психолога. Меня всегда интересовали вопросы изменённых состояний сознания: медитация, «сноведчество» (осознанные сновидения и всякое такое), в теоретическом разрезе – наркотическое опьянение любой природы и т. п.

А в нашей с мужем спальне чуть не полгода валялась эта книга с красивым названием «Штурмующая небеса». Муж купил её где-то по случаю. И бросил у нас в комнате, на тумбочке. Надо сказать, что муж мой обожает книги про танки, самолёты, вертолёты, подводные лодки: как они изобретались, с какими трудностями и интригами сталкивались их создатели...

Книгу «Штурмующая небеса» он никак не начинал читать. И я с раздражением периодически перекладывала её с места на место, с остервенением стирала с обложки пыль... В общем, надоела мне эта книга ужасно. Только беспорядок в комнате создавала.

И вот однажды я заболела. Можно сказать, слегла. В постель. Идти к книжному шкафу не было сил. Но при этом хотелось что-то почитать. Ничего под рукой не было, кроме «Небес». С привычным раздражением я взяла в руки эту

книгу.

И увидела.

Прямо на обложке.

Под крупными буквами «Штурмуя небеса» букочки по-мельче: «Подлинная история ЛСД от расцвета до запрета».

Я позвонила мужу:

– Какую интересную книгу ты купил!

Он сначала даже не понял. Прошло-то полгода. Я освежила его память.

Он с энтузиазмом ответил:

– Для тебя!

– Для меня-я-я-я?

– А для кого же? – удивился муж. – Не для себя же. Меня такие темы не интересуют.

– Эм... А что ж ты мне раньше не сказал?

– Я же положил её на твою тумбочку. Думал, ты поняла, что для тебя.

– Не-е-е-ет.

– И название тебе ничего не сказало?

– Сказало. Что это книга для тебя.

– Про что же может быть такая книга, по-твоему?

– Я подумала, про самолёты.

– Самолёты??

– На них же небеса штурмуют?..

Муж онемел окончательно.

Корни

Андрей Корольков приезжал к нам в гости сегодня. Диана очень любит, когда он у нас бывает. У них какие-то свои приколы и подколки.

А порой они ведут светские беседы. Нынче была такая.

Диана:

– Есть у меня подруга школьная. Мы с ней за одной партой сидим. Она хорошая. Но любит выносить мозг.

– Как же она это делает? – спрашивает Андрей.

– Да ей всё нужно знать в подробностях, всё выпросить, всё обсудить. Это бывает долго и нудно. Уф! – тяжело вздыхает Диана.

– Может, она докапывается до сути, до корней?..

– Скорее, она **ВЫКАПЫВАЕТ** корни! Вместе с деревом.

Культур-мультиур

Андрей Корольков любит цитировать Толстого, который Лев. Что-то вроде того, что начинающего писателя толкает вперёд энергия заблуждений. Может, я и переврала классика, а заодно и Андрея. Но суть ясна. Мол, пока человек заблуждается – он горит энтузиазмом, а потом шишек набьёт и уже в пекло не только вперёд бабки, а вообще не лезет. Шишки у него неимоверно болят. И эта боль гасит весь энтузиазм и трудовой порыв.

К чему я это вспомнила? Года два назад я со страшной силой ратовала за то, чтобы народ на культурные мероприятия ходил. Столько их, бесплатных, было и есть, что голова кругом идёт. Всякие там литературные клубы, вечера поэтические, презентации сборников... И везде хотелось успеть. (Сейчас уже не хочется.)

Да и сама я такие культурные всплески либо организовывала, либо в соорганизаторах была. Народ вяловато шел, надо признать. А нервов уходило много: нужно было и программу продумать, чтобы не затянуто и интересно, и до народа всё точно и ясно донести – явки, пароли, то есть место и время... В общем, хлопот много, а результат скромный. И как-то мой энтузиазм постепенно увял. Энергия заблуждений закончилась.

Но на чужие мероприятия иногда хожу.

Хожу и почти каждый раз удивляюсь (бывают приятные исключения...): ни регламента, ни программы зачастую вообще нет. Вернее какие-то наброски есть, но про время организаторы вообще не думали. Ни разу. Ни одной секунды. Например, с хронометром не проверили, сколько же звучат их нетленные стихи в их же гениальном исполнении. А звучат они часто больше 15 минут. А мы все знаем, что активное внимание на 15-й минуте заканчивается. Ну, устроены мы так! С этим ничего не поделаешь.

А потом выходит ещё один автор. И тоже заводит кортёнько так... И тоже ни разу не помнит про сакральный лимит. И за ним к микрофону всё идут и идут. Такие же. Алчущие выступить.

И когда вся эта говорильня переваливает за два часа (причём без антракта, потому что устроители знают, что после антракта не вернётся никто!), ты уже проклинаешь всё на свете: и организаторов, и выступающих, независимо от их таланта, и себя – за то, что пришёл, а главное – за то, что сел не с краю где-нибудь, а в середине ряда. Монументально так сел. Что не выбраться, не устроив демонстрацию. Также проклинаешь своё воспитание, которое не позволяет тебе встать и уйти, показав тем самым, что уже давно пора бы это сделать всем.

А тут недавно – вообще.

В афише было указано время начала мероприятия 19:00,

на страничке организатора – 19:30. Началось, наверное, в 20:15. Потому что было запланировано на 20:00. Так в музее сказали, где всё это проходило. Но об этом знал только музей и Особа, то есть организатор. Ну и приближённые к ней. То есть к нему, потому что организатор был мужского рода («мужчина» о нем не пишу).

Особа заявила без пяти восемь. На моё «Добрый вечер!» посмотрела на меня глазами, похожими на два омота (не поймёшь, что там в них – то ли бесы хороводят, то ли тина одна...), повернулась ко мне задом и уже им со мной разговаривала. На вопрос «где же можно сесть?» пробурчала что-то про лавки, которые, наверное, кто-то принесёт, и продефилировала в недра музея. Я тоже повернулась задом. И бегом с мероприятия.

Во-первых, мы с Особой были не то чтобы представлены друг другу, но уже пересекались на нескольких мероприятиях такого же толка и даже перекидывались парой фраз. Но даже если бы мы первый раз видели друг друга, то, на мой взгляд, на «добрый вечер» нужно ответить, как минимум, так же. Тем более, когда пришли на твоё мероприятие. К тебе, можно сказать, в гости. А во-вторых, я с местами, на которых сидят, вообще предпочитаю не общаться. Никак. Ни в каком качестве. А то можно и оказаться там, в конце концов, в этом самом месте, на котором сидят. При таком подходе-то...

На фото этого мероприятия, которые я потом увидела

на нашем достославном ФБ, народ стоял. Столбом. Часа два, предположительно. Судя по количеству выступающих, которые тоже были отображены на фото... И не то чтобы народу так много было, просто лавочки никто так и не поставил. Вот и ходи!..

Не-е, больше не ратую я за культурные мероприятия! Вернее, за такой культур-мультир.

Ласточки

Наш дом какое-то время жил своей жизнью, без нас. И его веранду облюбовала пара ласточек. Потом приехала я. Птицы были крайне недовольны, воспринимали меня как нахалку, припёршуюся без всякого приглашения, и совершенно лишнюю фигуру в их личном раю. Они укоризненно смотрели, шикали-чивкали на меня издалека. Близкого соседства со мной вообще не выносили – заполошно улетали. Короче, крайне не одобряли наличие меня в этом месте.

Меня же очень умиляли ласточки. Но наблюдать за ними я могла только из окна, прячась за занавеской.

Пара была явно молодой. Гнездо они свили, на мой взгляд, кое-как – но что с них взять, юнцы! Птенцов у них ещё не было, но самочка, видимо, вот-вот собиралась снести первое яйцо. При внешней похожести птиц мне как-то сразу было ясно: вот самочка, вот самец. У каждого из них было своё любимое место отдыха. А что бы не набраться сил перед трудностями: высиживанием птенцов, а потом их выкармливанием? Так вот, самочка любила сидеть на одной определённой лопасти вентилятора, который приделан к потолку нашей веранды. А самец вроде рядышком, но не сильно, – через одну лопасть. Самочка хохлилась, видимо, ей нездоровилось, как любой беременной женщине. Самец чистил пёрышки и следил за территорией: любое подозрительное ше-

веление – он тревожно, коротко чивкал, и семейство дружно срывалось с места.

И вот один раз я наблюдала такую картину: самец почистил пёрышки, огляделся кругом – как хорошо! – душа у него развернулась, и он запел (дислокация была любимая – лопасти вентилятора, через одну); потом в его изящной головке (прямо-таки зримо для меня) пронеслась мысль: «Какой я молодец, всё у нас путём, дом – полная чаша, пою так замечательно, молодец и есть!»; и он, не переставая петь, в таком приподнятом настроении перелетел на лопасть к самочке; самочка, похожая на барышню 20-х годов, повернула изящную головку, словно из-за плеча посмотрела, окатила его презрительным взглядом и подумала: «Уж дети скоро будут, а мой-то дурень всё никак не остепенится!» и перелетела в гнездо (в которое она вообще-то днём только в крайних случаях залетала). Бедный самец осёкся на полуноте. Милый ромбик его клювика на секунду так и остался открытым. Он был так трогателен! Как ребёнок, которому Дед Мороз забыл принести подарок. Так хотелось сочувственно похлопать его по плечу, то есть по крылу, и сказать: «Не расстраивайся, друг! Все они, бабы, стервы...»

Сказки об Одуванчиках

Сегодня мне позвонила мама и сказала ровным тоном:

– Дослушала твои сказки. Про одуванчики.

Мама имела в виду мою аудиокнигу, которую мы с Андреем Корольковым озвучили, так сказать, напололам – четыре сказки он, четыре я.

Я, конечно, напряглась. Потому что надо знать мою маму. В детстве меня хвалили, как у Жванецкого говорится: «последний раз в театре был никогда», так и меня – никогда. Меня могли только критиковать. Потому что мама моя была свято уверена, что хвалить своего ребёнка нескромно и даже неприлично. И вообще – похвалами только портить его можно. Ну, воспитали маму так. Наверное, и её не хвалили. И бабушку мою не хвалили. И прабабушку тоже... Так уж принято было.

Обиды мои детские (надеюсь!) давно прошли. Но рефлекс остался. И я рефлекторно напряглась.

– А, – говорю тоже ровным тоном, – хорошо...

– Мне понравилось.

Я, стараясь попасть мимо телефонного микрофона, выдыхаю.

– А, – снова произношу всё тем же тоном, – хорошо...

– Я даже удивилась. Откуда в твоей голове столько фантазии, – говорит моя мама.

– Ну-у-у, – тяну я, – как-то берётся откуда-то.

– И озвучено хорошо.

– Андрей молодец! – соглашаюсь я, думая, что уж моё исполнение маме не должно понравиться.

– Нет, ты мне больше понравилась. Голос у тебя такой... красивый...

– Это звукорежиссёр постарался.

– Нет, отчего же. И у тебя голос хороший. И вообще...

Маме тяжело, она собирается с духом. Я физически ощущаю эти её сборы. Мама напрягает все свои силы, как штангист, который собирается взять рекордный вес. Вес взят, потому что мама говорит:

– Я горжусь тобой!

А вот на это у меня рефлекса нет. Сказать опять ровным тоном «а, хорошо...» – свинство же. А что ещё сказать, я не знаю. К моему счастью, маму прорывает, и она начинает щедро делиться впечатлениями...

И я вот что думаю: наверное, это главный успех – когда родители наконец-то могут сказать своему выросшему ребёнку: «Я горжусь тобой!» Это их общий успех. Ведь все мы родом из детства, как бы банально это ни звучало. И кто-то хорошо сказал, что любовь, полученная в детстве, позволяет нам пережить всю оставшуюся жизнь. И пусть родители, может, кого-то недохвалили. Главное – чтобы долюбили.

Даже нет, просто: главное, что любят.

Потому что если у кого-то, к несчастью, родители уже

ушли Туда, то и Оттуда они – любят. Я уверена в этом.

Мама, я тоже люблю тебя! И хорошо, что ты здесь, рядом.
Будь здорова, мамочка!

Мама может всё

Мама может всё.

Может делать с ребёнком английский, получая вместе с ним пятёрки. Хотя сама всегда имела в школьные годы стойкое отвращение и к англичанке, и к английскому языку. Вместе с этими их ужасными артиклями. Которые непонятно зачем нужны, и уж совсем непонятно, где их там ставить.

А ещё герундий этот! Который на русский особо и не переведёшь, потому как нет такой части речи в русском языке. Ну нет. Нет. Во всём великом и могучем – нет.

А презент перфект – уж вообще молчу. А овсянка с туманами... (туманы тут просто так, до кучи, но тоже учебного рвения не добавляли). И все эти обстоятельства породили то, что породили: четверку в аттестате (не портить же его такой хорошей девочке, будущей маме), а три в уме держали...

Так вот же, пятёрки теперь. Несмотря на артикли и герундии. Несмотря на засады с has и have. И туманы заодно.

Мама может даже больше. Она может делать французский! Причём с тем же результатом. То есть на «пять».

Причём французский учил параллельный с ней класс. А она – ни разу, ни в каком году, ни даже во Франции на распродажах.

Но с ребёнком своим делает французский на «пять».

Мама может склеить за ночь какой-нибудь театр, аквари-

ум или химлабораторию.

И всё из бумаги. И за ночь. Если надо. Ребёнку её.

В школе его так учат, ребёнка. Сказали – надо химлабораторию. Завтра. Срочно. Докажем, что золото из свинца не выплавить. А мама – клеит.

А если вдруг скажут золото выплавить-таки? Из свинца. Или из ртути. Вполне может быть, что и выплавит. В той же свежесклеенной лаборатории. Если надо. Ребёнку её.

Я так долго вот к чему.

(Конечно, и личных моментов много, но и...).

Еду я сегодня на машине. Мимо ледового дворца нового. На «Автозаводской» открылся. А там мама с сыном лет пяти-шести на остановке стоят. Около дворца. Автобус ждут. И по всему видно, что с тренировки едут. И явно не фигурное катание у них – уж очень большая сумка рядом громоздится. Да и мама. Наклонилась. Руками за невидимую клюшку взялась. И манёвры какие-то сыну показывает. Клюшкой так шайбу гонит куда-то, гонит... Невидимой клюшкой невидимую шайбу.

И так это у неё хорошо получается. У мамы. Которая может всё. Даже учить своего ребёнка играть в хоккей. Хоть сама никогда и ни разу.

Время по Гринвичу, московское время, моё время...

Интересно у меня со временем складывается. «Со временем» я употребляю не как наречие, а как название субстанции – текучей, загадочной, печальной. Так вот, не дружу я с ней... с ним... со временем, короче. И часы, окружающие меня, подтверждают это. Компьютер сейчас показывает мне 17:38, телефон – 16:42, кухонные часы – 15:11, а часы на СВЧ – 15:37... И сколько сейчас времени точно? Не знаю. Да и...

Пасхальные яйца

Сегодня целый день думала о маме. Потому что красила яйца. В этом серьёзном действе у меня всё время была какая-то фатальная недостача. Сначала яиц. Хотела покрасить два десятка. Ровно столько и положила варить. Ну и что же?.. Правильно: три яйца треснули в процессе варки. Моя мама всегда варит на несколько яиц больше, чем задумано по кулинарному сценарию, – как раз на такой случай.

Стала их красить. Перед этим раздобыла в церкви дивные натуральные красители, сделанные из свёклы, моркови, шпината и ещё каких-то красящихся полезительных овощей. Не прочитала инструкцию, естественно. Крашу-крашу (то есть опускаю яйца в стаканы с разведённым красителем и жду чарующих цветов), а яйца красятся всё хуже...

И только тогда читаю инструкцию, где чёрным по винтажной коричневой бумаге (а то как же – экологичный продукт-то) написано, что красителя должно хватить на 3 яйца. А у меня их 17. И цвета – три. То есть всего 9 яиц гарантировано можно покрасить... Опять вспомнила маму: она бы, конечно, купила на всякий случай две упаковки красителя. И ей-таки хватило бы его на все яйца.

А у меня... Что у меня? 17 яиц с тончайшими переходами оттенков. Вот уж поистине что-то странное со слухом творится: только к сорока годам слышим то, что нам родители

говорят с детства.

Я люблю тебя, мамочка! Здоровья тебе!

Муж смотрит боевик...

Муж смотрит какой-то боевик по телевизору, одновременно копается в интернете. Периодически выуживает откуда какой-нибудь клип или новостной сюжет. Начинает слушать и повышать громкость на компьютере – телевизор-то мешает. Потом отвлекается на боевик. Компьютер заглушает телевизор. Муж делает на телевизоре звук погромче. Потом переключается опять на компьютер. А его снова не слышно. Усиливает звук там. И так несколько раз.

Когда я просила его сделать потише, то не слышала своего голоса. Чуть связки не надорвала, ей-богу. А он: что? что? не слышу тебя. А звук нигде не убавляет...

Бедные наши соседи!

Потом, когда муж всё-таки звук хоть где-то приглушил, я спросила: нельзя ли наоборот, понижать каждый раз звук на том устройстве, которое в данный момент не нужно? Муж в ответ усилил звук на компьютере – что-то там не услышал, пока я говорила.

Вот думаю: наушники ему купить на Новый год или сразу слуховой аппарат? А может, себе беруши?..

Отпечатки пальцев лучше не оставлять

Сегодня с Дианой проходили интересный тест.

Он по отпечаткам пальцев делается. По петлям, там, бантикам, то есть по завиткам.

Машина их анализирует и выдает о тебе всю подноготную. Точный, надо сказать, тест. Потому что петли-дуги – это генетика, тут уж ничего не попишешь. Что дали, с тем и живи.

И там, в тесте, все люди на типы личности делятся. Я такой классификации в психологии не припоминаю, хотя это практически моя дипломная работа. Наверное, разработчики какие-то свои типы вывели. Но от этого достоверность теста совсем не страдает. А может, даже и повышается. В общем, мне со всех сторон было интересно.

Дочка моя младшая коммуникатором по типу личности оказалась. Болтолог она у меня ещё тот. Теперь понятно, что тут уж ничего не поделаешь – гены ей такие достались.

Кстати, девочка-консультант тоже коммуникатором была. Она нам сама об этом и сказала.

А потому что коммуникаторы все такие – выложат всё чуть не первому встречному.

Например, маленькая Диана могла в лифте вести такую беседу с соседом:

«А что это у вас в пакете? продукты? а мы тоже ходили в магазин и купили (перечисление покупок), а папа маму зовёт зайцем, а мама папу – котиком, а можно я к вам в гости приду, а вы к нам тоже приходите...»

И так далее в том же духе. И всё это даже не через запятую. Одним монолитным куском текста, без пауз и запинок, без возможности вставить слово или (что очень часто хотелось сделать) заткнуть этот фонтан.

Я всё к тому, что тест мы проходили далеко не 15 минут, как было запланировано. Два коммуникатора нашли друг друга! Встретились, как говорится, два одиночества и развели у дороги костёр.

А я была третьей в их компании – по большей части слушателем. У них же у обеих со слушанием беда. Диана почти по каждому пункту сразу: да, точно! в жизни всё так и случается, как тест говорит! Причём с примерами, подробными деталями, диалогами в лицах.

А девушка при этом на нерве ломает пальцы, потому что ей тоже говорить хочется. Но в целом – всё полезно и продуктивно. Просто долго, вот я к чему.

Когда мы только начинали, один папа с девочкой лет пяти подошёл, поинтересовался на предмет прохождения. Потом они присели в сторонке и стали ждать. Вскоре поняли, что ждать не пять минут, и ушли. Видимо, они обошли весь торговый центр (в котором всё и происходило), купили нужного и ненужного, вернулись, а мы всё тестируемся. Правда, уже

заканчиваем.

Папа с ребёнком помаячили немного в сторонке, а потом опять подошли. И папа в ужасе говорит:

– Что? Так долго?!

Девушке-консультанту лишнего клиента упускать нет резону. Она его пытается успокоить:

– Нет. Просто их двое. Нам ещё чуть-чуть осталось.

– Да-да! – поддерживаю я. – Совсем чуть-чуть осталось.

– И что? Точный тест? – интересуется папаша. У меня интересуется.

– Стопроцентный! – с энтузиазмом отвечаю я, забывая, что передо мной мужчина и что это означает склонность к логике, аналитике, математике и т. д.

Ответ последовал незамедлительно:

– Ста процентов никогда не бывает!

– Если точнее – 92 процента достоверности, – поправляет меня девушка-консультант.

Но папаше интереснее мои впечатления. Чтобы их простимулировать, он говорит:

– Да проходил я такой тест... – и смотрит на меня.

По его тону ясно, что результаты его не удовлетворили.

– Наверное, вас жизнью прилично побило, – с сочувствием говорю я.

– А вы откуда знаете? – внимательно смотрит мне в глаза папаша и потом переводит взгляд на свою милую дочку.

Это, наверное, должно было означать: «Ну да, побило-по-

мотало по молодости, а теперь-то я, глядите, – с дочкой, в свой выходной, хожу один, без жены (что у девочки есть мать, а у него жена, как-то сразу ясно), разве я не молодец теперь...»

Тут вступают два коммуникатора, которые долго молчать не могут. (Кстати, мешают мне – «администратору» – организовать дополнительный заработок девушке-консультанту.) И начинают много говорить. Чего любой мужчина не любит, независимо, наверное, от типа личности. Поэтому папаша уходит, бросив напоследок, что жена, может быть, завтра придёт с ребёнком. Чтобы ребёнка протестировать.

Так и не успела я ему сказать, что гены генами, но есть жизнь, которая всегда подрихтует наши выпуклости и впуклости, мешающие нам вписываться в реальность. Потому и не совпало у него даже на обещанные 92 процента.

Подрихтует зачастую больно. По живому. Но нам же на благо. И что есть у нас возможность улучшить (или ухудшить) то, что нам дано от природы.

И у меня не всё совпало. Ну так меня это порадовало. Значит, работа над ошибками проведена качественно. Материал усвоен. Пятёрка мне.

И ему – потому что с дочкой, в свой выходной, несмотря на бурную молодость.

И коммуникаторам тоже. Одной – потому что нашла своё место в жизни (консультант сама нам с дочкой поведала, ну не могла она промолчать о таком). Другой – потому что слу-

шает, вопреки природе своей, вопреки тому, что хочется самой говорить про котиков и зайчиков.

В общем, все как всегда мо-ло-дцы.

А тест я бы каждому рекомендовала пройти. И теперь понимаю, что это во мне гены говорят. Администраторские.

P.S. Названия типов личности хоть и отображают суть, но условны. «Администратор» – это организатор, лидер, человек, берущий на себя ответственность. «Коммуникатор» – общительный человек, любящий работать в команде, берущий на себя ответственность время от времени...

Не надо!

Сегодня с утра муж долгим взглядом смотрит мне в глаза, а потом спрашивает:

– Пакетики чая, говоришь, хорошо на глаза класть?

– Ага.

– Полезно, говоришь?

– Ну конечно! Это всем известно, – уверенным тоном вещаю я, – пьешь чай из пакетика, а потом пакетик в холодильник кладешь. Чем выбрасывать-то! Потом ещё один. А потом их вытаскиваешь и – прям, на глаза. Лёг и лежишь так минут пятнадцать. А пакетики своё дело делают – отеки убирают, дезинфицируют заодно, тонизируют. Сплошная польза и экономия. Я тебе уже говорила.

– А где ты такое вычитала?

– Все об этом знают. Это известный факт. Как то, что Земля вокруг Солнца вращается, – с лёгким презрением к сомневающимся в таком железном методе говорю я.

– А-а-а, – зловеще тянет муж.

– Вечно ты самый умный у нас! Всё лучше всех знаешь! – начинаю раздражаться я. – Все так делают, а ты тут акаешь с утра!

– Ты сама-то так делала? – уточняет муж.

– Ну-у-у-у... – теперь уже тяну я, только не зловеще, – может, и делала. Не очень помню. Наверное, делала. Раз

или два...

– И как? – снова интересуется моя лучшая половина.

– Наверное, никак, раз не повторяла больше, – честно признаюсь я.

– Вот и хорошо!

А вся эта тема возникла неделей раньше. Притаскивает как-то вечером мой муж упаковку ватных дисков. И кладёт себе на полочку в ванной. А упаковка такая длиннющая, что еле помещается. Я аж дар речи потеряла. Но только на минуточку. Потом, конечно, язвить начала: мол, и зачем тебе столько дисков, вроде как косметикой не пользуешься, чтобы её снимать с помощью этих штуквин. И ла-ла-ла, и ла-ла-ла. Муж и вправду странно смотрелся с этой колбасятиной.

А моя лучшая половина выдала, что ему офтальмолог знакомый посоветовал мочить ватные диски холодной минеральной водой и компрессы на глаза делать. От отёков хорошо помогает. И вообще.

Офтальмолог подвергся жёсткой критике с моей стороны. Если уж на то пошло, сказала я, то диски нестерильные. И есть более продвинутый метод – чайные пакетики класть. И расписала все прелести этого метода. Муж выслушал. Диски прибрал до времени, воду минеральную в холодильник не поставил. Но и пакетики спитые собирать не начал, зато попёрся снова к офтальмологу – правды искать. Это я сегодня утром выяснила.

Вернёмся теперь к диалогу.

– Вот и хорошо! – сказал муж.

– Что хорошо?! Ну что хорошо? Вечно ты со своим «хорошо», – потихоньку взвинчиваюсь я.

– Да просто к Игорю вчера ходил, – начал муж.

(Игорь – это как раз офтальмолог. Кандидат, кстати. Или даже доктор всех глазных медицинских наук.)

– Ну?

– Ну, Игорь мне и сказал: «Откуда вы все всё это берёте?!» У него нескольких пациентов госпитализировать пришлось после этих пакетиков. В них такую сейчас химию кладут, что ничьи глаза не выдерживают. И ещё куча народа с острым конъюнктивитом лечилась после этих пакетиков у него. И все откуда-то это взяли. Вот откуда?!

– Видишь, не одна я это знаю! Видишь, нас сколько! – оптимистично ввернула я.

– Да! Вас таких много! А ещё – если что – надо не чай класть на глаза, а спитым чаем их промывать. Промывать! Спитым! То есть третьей или четвёртой заварки. А то пришёл у него тут мужик – как очковая змея, с кругами под глазами. Игорь думал, что у того почечные колики или три ночи не спал. А он пакетики тоже положил! Вся кожа коричневой стала под пакетиками этими. Вот напиши у себя на «Фейсбуке» своём – не надо спитые пакетики класть на глаза, НЕ НАДО! Диски с минералкой – надо. А пакетики – нет!

Вот, пишу... НЕ НАДО!

О летучих мышах

Увидела у кого-то из френдов в ФБ видео с летучей мышью.

«Гадость!» – скажет кто-то.

Когда-то я бы такое мнение поддержала. Но – не сейчас.

Раньше у меня в голове чёткое утверждение сидело: если летучая мышь, то с уродливой вампирской мордой, потому что все эти твари – вампиры. Ложное это утверждение. Летучие мыши (как и люди) разные: есть вампирской природы, а есть – божьи одуваны, только фруктами питаются, нектар, можно сказать пьют. И вот такие фруктоежки очень даже симпатичные мордочки имеют.

Когда-то мы с мужем были в Сингапуре. Там есть ночной зоопарк. Ведь большинство животных из джунглей – ночные. У нас была экскурсовод, которая очень странно говорила по-русски. Некоторые слова вообще невозможно было понять. Про ночной зоопарк она вещала с таким восторгом, что мы захотели туда обязательно попасть. Её восторг переходил в ликование, когда она, захлебываясь, говорила: «А ещё, а ещё там есть мойши-летучки! Их можно подержать!» И закатывала глаза. Кто такие мойши-летучки мы даже представить себе не могли. И ими оказались летучие мыши. И правда, они были милы на ощупь – бархатистые мордочки, нежные-нежные кожистые крылья. И огромные глаза, как у ма-

леньких собачек некоторых... Короче, совсем и не гадость эти мойши-летучки, а очень милые существа. И никто не виноват, что среди них (впрочем, как и среди людей) вампирёшки бывают.

А ещё это видео напомнило мне другой зоопарк, наш, московский. Осенью этой там была.

Есть там павильон с ночными животными. Летучие мыши в том, на мой взгляд, лучшем павильоне зоопарка тоже представлены.

И прямо вижу картину – один мышастик (ма-а-а-ахонький, они там все махонькие были) подлетает к другой мышастой и коготочком, который у них у всех на крыльшках сверху расположен, так аккуратненько её по спинке: мол, дорогая, взгляни на меня. Дорогая, не поворачивая головы, крыльшком (так и хочется сказать – плечиком) презрительно передёрнула – «Отстань, надоел». Мышастик, грустно хлопая крыльями, улетел в дальний угол. Посидел-погрустил, набрался смелости и опять – деликатно так подлетел, коготочком тук-тук по плечу... А дорогая опять, более энергично уже: «Отстань, сказала! Надоел хуже горькой редьки!» Мышастик забился в свой угол и печально притих...

Всё как у людей!

А во-вторых...

Пошли мы с мужем как-то в магазин.

В мужской. А не то, что вы подумали. Что-то ему купить надо было. А там борсетки – эти, которые с такой петлёй-ручкой в верхнем углу. Муж цугом к ним. Примеряется. Внутро заглядывает. Кожу поглаживает. Замочком щёлкает. Довольный такой.

А я прямо не выношу две вещи из мужского гардероба: сандалии – такие коричневые, из советского прошлого; и борсетки – из постсоветского, из лихих девяностых.

Ну не выношу! До спазма в скулах.

А он всё примеряется к этой гадости.

Потом ко мне, сияющий, обращается:

– Как тебе?

А я через силу:

– Во-первых, мне не нравится...

Муж видит моё лицо, сияние тухнет, и он говорит:

– Я понял, понял, достаточно.

И положил наконец борсетку на место.

Потом, уже позже, Андрей Корольков рассказал мне исторический анекдот про адмирала Нельсона.

После какого-то очередного морского сражения вызывает адмирал Нельсон капитана корабля (назовём его Джоном) к себе и спрашивает:

– Капитан Джон, почему пушки вашего корабля не стреляли?

Капитан отвечает:

– Во-первых, порох был сырым, – и делает паузу, чтобы набрать в лёгкие побольше воздуха и отчитываться дальше.

Нельсон прерывает его:

– Достаточно.

И правда: зачем нужно это «во-вторых», когда уже есть одна причина? И даже «во-первых» тогда говорить не стоит...

Об органной музыке

Вчера снова слушала органную музыку в Римско-католическом соборе на Малой Грузинской. И снова это был концерт из цикла «Музыка соборов мира». На этот раз гости приехали из Польши. Удалось вытащить и мужа. Героически высидел весь концерт. Видимо, пять лет музыкальной школы дают о себе знать.

Программа была построена необычно для меня – под орган ещё и пел священник. Регалии органиста перечисляли, наверное, минут пять, но играл он действительно хорошо. Да и священник пел не хуже. Мне было очень интересно сравнить свои ощущения от игры немецкого органиста, который выступал здесь несколько дней назад, и польского. И я только утвердилась в своем мнении (может, и ошибочно): немец играл суховато. Наверное, это национальное.

И ещё одно ощущение, которое трудно забыть, – неуловимая, вроде бы незначительная разница между талантливым и гениальным. Ты не можешь сформулировать, объяснить, где и почему вот то талантливое не дотягивает до этого гениального. Но разницу чувствуешь. Причём её чувствуют все, независимо от специального образования, вкусов, убеждений. Это я про Баха и всех остальных композиторов органной музыки.

И ещё одно замечание мужа хочется процитировать: «Ка-

жется, что все другие композиторы мучительно пытаются быть непохожими на Баха...» От себя добавлю: или *быть похожими*, но и те и эти, независимо от выбранной тактики, проигрывают ему – великому Баху.

В программе концерта было одно произведение Сезара Франка. Вот про него сказали в анонсе: «Он величайший... после Баха» (пунктуация моя). По-моему, ужасно быть величайшим, но после кого-то... Кстати, его произведение нам с мужем не понравилось, хотя трудно судить об авторе по одной только вещи.

Почему родной муж родной жене не доверяет

Я на днях про пакетики чайные писала. Про которые все знают, что их можно класть на глаза, а оказывается – нельзя.

Потому что в них такую химию и красители кладут, что у людей аллергический конъюнктивит начинается и страшные чёрные вампирские круги под глазами появляются, которые чуть ли неделями не сходят.

И вот у кого-то, возможно, возник вопрос: а чегой-то родной муж родной жене не верит? Ну, сказала ему пакетики положить. Ну, положил бы. Глядишь, Бог миловал бы. Не у всех же конъюнктивит развивается и круги чёрные. У кого-то и всё благополучно обходится. Вот ведь какой муж – Фома неверующий. Родной-то жене не верить!..

Расскажу я по этому поводу одну давнюю историю. Слушалась она, как раньше любили говорить, на заре нашей семейной жизни. Можно сказать, занималась она только, зоря эта. Но жили мы уже отдельно. Только-только переехали на первую свою самостоятельную квартиру. Много чем не обзавелись, а вот медикаменты кой-какие у нас уже были. Муж мой всегда медициной в прикладном варианте интересовался, то есть таблетки всякие и мази с каплями любил и любит покупать. И вот притащил он что-то убойное от го-

ловной боли и зубной заодно. И было написано, что это чудо фармакологии исключительно на головную и зубную боль действует. Целенаправленно. Таблетки эти были новые, в магазинах появились совсем недавно (кстати, их сейчас уже нет в продаже), дорогие и казались хорошими-хорошими, эффективными-эффективными. В общем-то, они такими и были.

А инструкции-то у нас мало кто читает. Исследования всякие об этом говорят. Меня это утешает – что я не одинока в своём этом «нечтении». Я в основном на крупные буквы реагирую, которые на упаковке, а что там мелким шрифтом на длиннющей простыне, которая в коробочке вместе с лекарством лежит, – мне так недосуг на это всё смотреть...

Ну и вот. Муж купит что-то и забудет. А я-то всё помню! И вот настал звёздный час новых таблеток – муж сказал, что у него болит голова, дай-ка таблеточку. Дала. Ту самую – новенькую, мощненькую. Выпил муж из моих рук фитюльку в зелёной оболочке и к родителям мы засобирались.

А жили не очень далеко от них. Но на машине надо было проехать. Едем. Муж за рулём. И тут он говорит:

– Что-то мне плохо! Что-то у меня сознание прямо выключается!

– Это, наверное, от головной боли, – выдвигаю версию я.

– Нет, голова совсем не болит, – внимательно проинспектировав своё состояние, отвечает с удивлением муж.

А у самого язык чуть не заплетается. Муж чувствует это

и добавляет:

– Вроде не пил, а состояние какое-то чумное.

– Это, наверное, погода. Бури какие-нибудь магнитные.

Перепады давления... – продолжаю я предполагать.

– Это у тебя погода. А на меня она никогда не действовала, – возражает муж. И через несколько секунд:

– Уф! Что ж так плохо-то?! Высуну-ка я голову в окно.

Пусть проветрится.

А на дворе стоял глубокий ноябрь. К тому же вечер. В общем, погода явно не шептала. Но это мужа не остановило – высунул. Овевало его. Вроде полегче стало.

Короче, кое-как до родителей мы доехали. Где с окном, где так. Благо довольно близко было. Приехали к ним, муж прыг на диван – и вырубился. Дело уж совсем к ночи, а он всё спит. Еле растолкала его. Обрато ехали уже нормально. Но, видимо, впечатления у него были яркие, потому что по приезде домой муж первым делом – шашь к коробочке с чудо-таблетками от головной боли и давай инструкцию читать. А там чёрным по белому написано, что таблетки эти применяются при ночных головных или зубных болях, которые не дают уснуть. Поэтому в состав таблетки входит тропный гормон мелатонин (видимо, в какой-то мощной дозе, добавлю я от себя, потому что эффект был нехилый). Употреблять таблетки нужно строго перед сном. Запрещено 12 часов после приёма таблеток садиться за руль и т. д. и т. п.

Что мне муж после этого сказал, повторять здесь не буду.

Поскольку многоточия на месте нелитературных слов читать неинтересно.

Столько лет прошло, а муж всё помнит эту историю! И все мои рецепты и медицинские советы теперь проверяет всегда. Даже такие безобидные на первый взгляд вещи, как использованные пакетики чая.

Прошлое – в нас

– Мама, куда уходит день? А год? – спрашивает семилетняя Диана.

– М-м... Они уходят в прошлое.

– А в какой стороне находится прошлое? Там? Или там? Или там? – жесты в разные стороны. – Где его можно найти?

– М-м-м-м... Нигде... Это же прошлое, у него нет стороны... Это не пространство, у которого есть «там», а время. А у времени нет «там»...

Диана усиленно размышляет, сдвинув бровки. И через минуту выдаёт:

– Мама, я знаю где находится прошлое – оно находится в нас.

И прикладывает руку к сердцу.

(ноябрь, 2012 года)

Роскошь простых вещей

Когда-то роскошь представлялась мне приблизительно в такой же комплектации, как и героине фильма «Курьер». И, что самое интересное, в то же самое время, когда фильм вышел в прокат.

Что там у этой длинноволосой красавицы в списке было?.. Красная спортивная машина, длинный шарф на шее, маленькая собачка на заднем сиденье и магнитофон – на переднем. Мы с ней ровесницы тогда были. Вот и хотелось, наверное, одного и того же.

Хотя фильм мне тогда не очень-то и понравился. Думаю, я его не поняла тогда. Вернее, не прониклась им. Он же снят о моем поколении. Ровно, тютелька в тютельку, о моих одноклассниках.

И в нём такая правда жизни, что она не впечатляла меня тогда. Всё равно что смотреть фильм про то, как жарится яичница. Причём почему-то художественный, даже не документальный. Вот так же и «Курьер»: всё – правда, документальная почти.

И вот прошло время. Я стала той женщиной, которая грустно, но с пониманием улыбается на слова длинноволосой красавицы. Помните? Короткий такой кадр.

Что я могу сказать... У меня никогда не было спортивной машины. И вообще – никогда не было красной маши-

ны. И, наверное, не будет. Не люблю ни спортивных машин, ни красных. (Хотя если уж спортивная, то лучше красная.) У меня никогда не было маленькой собачки. И, наверное, тоже не будет, потому что я теперь их тоже не очень люблю. И длинный шарф я не надену себе на шею, чтобы красиво веялся по ветру в кабриолете. Потому что помню печальную судьбу Айседоры Дункан. Не хотелось бы повторить. И даже магнитофон в машине меня мало интересует – никогда не слушаю, никогда.

Может быть, кто-то скажет, что представления о роскоши поменялись. Теперь не машины, а яхты. Не магнитофоны, а бриллианты.

Ну да, ну, поменялись. Но суть-то осталась. Просто одни предметы заменились другими. А суть – всё та же.

Но роскошь мне теперь представляется совсем иначе. Может, кто-то скажет, что если слаще морковки ничего не пробовал, то можно свысока на роскошь смотреть. Но нет, пробовала.

Устрицы – так у меня от них рвотный рефлекс. Яхты – так хаживала и на яхтах. Есть, конечно, и побольше и пороскошнее, но тут уж за всеми, как говорится, не угонишься. И бриллианты есть. Конечно, найдутся и покрупнее, и почище. Но не королева же я английская, в самом деле, чтобы корону себе справлять и яйца бриллиантовые туда вставлять.

В общем, будем считать, что всё сбылось у меня: и машина, и собачка, и магнитофон. Только в трансформированном

виде.

Но нет тут роскоши, нет. Обманули меня. Или сама обманулась.

А роскошь оказалась совсем в другом. В том, что было у меня тогда каждый день. И то, что теперь я нахожу с таким трудом.

Вкусный хлеб. В простой булочной. Которая была там, за углом. И называлась своим (к тому же русским!) именем: булочная. А не супермаркет. Булочная была домом для множества сортов хлеба, булочек, крендельков и пирожков. И пахло там совершенно особенно. Один запах – уже роскошь. Где теперь тот хлеб? С его умопомрачительным запахом?

И ищу я этот хлеб теперь в самых разных местах – в монастырях московских, в дорогих пекарнях, в рецептах интернетовских, чтобы потом самой испечь... И всё равно он другой. Не такой упоительно-вкусный.

Я ищу чистую воду. Которую раньше можно было пить из-под крана.

В начале 90-х одним моим знакомым, семейной паре, предложили как-то там войти в долю «Эвиана». Он только выходил тогда на наш рынок. Деньги надо было какие-то за это заплатить. Не три копейки, но и не что-то запредельное. Но денег знакомым было жалко. Предложили мужу, и он с женой советовался. А она ему: ты что, дурак? Платить за воду! Кто её купит?! Открывай кран да пей!

Уже в конце 90-х они кусали себе локти. Ведь могли бы озолотиться.

А я ищу чистую воду. В магазинах. На родниках. Нырью с головой в вопросы фильтрации и улучшения воды... Чтобы она была у моей семьи, у меня – каждый день. Такая простая вещь – чистая вода. Но такая необходимая. И это роскошь – пить чистую, вкусную воду.

Я ищу натуральное молоко, масло, сыры. И хорошо, что есть рынок, на котором это можно купить. И хорошо, что есть возможность купить. А раньше – любой мог купить нормальное молоко в магазине за углом. И оно хранилось 7 дней, а не полгода и без холодильника. А в твороге не было пальмового масла. Ну не было там его! Потому что откуда там ему взяться?! Откуда может появиться в молоке подмосковных коров масло пальм, если у нас испокон веку пальмы только в ботанических садах в оранжереях растут?

Я ищу человеческого общения. Не трындежа в социальных сетях. Не болтовни за чашечкой кофе в модном или не модном – неважно – людном кафе. Я помню, как было у моих родителей. Посиделки на кухне до утра. Чай. Может, вино. Споры о чём-то. Разговор по душам. Ведь было. И не только у них. У всей страны было. Где это теперь? Куда делось?

Куда делась вся эта роскошь? Роскошь простых вещей.

Сейчас готовила пирог...

Сейчас готовила пирог.

И первый раз в жизни мне попались яйца с двойным желтком. Причём два подряд. Я сначала глазам не поверила – даже пересчитала скорлупки. Нет, всё правильно – второе яйцо разбила, а в миске три желтка. А потом и следующее такое же.

Нет, не надо мне говорить, что такие яйца существуют в природе. И что это никакое не чудо. Я знаю.

Но чтобы лично мне – первый раз. Да ещё купленные в магазине. Да ещё два подряд.

Не переубеждайте меня. Я точно знаю, что это к счастью!

Семья 1, семья 2...

Сейчас смотрела фильм про детский дом, которого уже нет. Его расформировали, потому что у нашего правительства появилась такая очередная идея (так и хочется написать «безумная») – укрупнять всё, что можно, а чаще – что нельзя: детские сады, школы, детские дома... Такие делать... фабрики – детские учреждения (как фабрики-кухни): так же полусъедобно для детских душ получается, да и для взрослых тоже. Душ, я имею в виду. Конечно, для тех, у кого она есть. Душа.

Так вот, смотрела и плакала. Детский дом был почти семейный – всего 23 ребенка в нём жили. Жили – не тужили. Все друг друга знали. Группы так и назывались: семьи. Семья-1, семья-2... «Ты где?» – «Я в семье-2»... И всё, расформировали его. Детский дом этот, почти семейный. Так люди, которые там работали, разобрали детей по своим семьям. Не всех, конечно. А сколько смогли. И каждый при этом уже имел своих детей, причём нескольких. И каждый взял либо столько же, либо больше. У одной женщины вообще четверо детей было, так она ещё пятерых взяла...

И как же тяжело (навверное, до сих пор... навверное, навсегда) тем детям, которых не взяли, а отправили в другой детский дом – чужой, большой, укрупнённый, как полагается!.. Они вторично лишились семьи. Пусть под номером. Но –

семьи.

И моё бесконечное уважение и сердечная благодарность работникам бывшего «семейного» детского дома за то, что взяли в свои семьи детишек. Столько, сколько смогли. А может, и больше...

Одного такого человека спросили:

– Трудно любить чужих детей?

Он молчал несколько секунд в камеру. Недоумевал. А потом сказал:

– Взяли детей. И полюбили детей. Взяли. И полюбили. Что тут? Такие же дети.

Не в смысле «взяли и заставили себя полюбить их», а взяли в семью и любят.

Суконный язык юристов

Тут прочитала статью про юристов и их суконно-крючко-творный язык.

Что самое забавное (для меня) – примеры, приведённые в ней, моим сознанием воспринимаются легко и не суконно. Я с удивлением поняла, что ПОНИМАЮ (простите за тавтологию, видимо, проснулось во мне что-то), в чём там дело-то, в выдержках из законов. И почему именно так сформулировано.

Например, «исполнительный лист принимается к исполнению». А нельзя иначе! Исполнительный лист – он и есть исполнительный. И как-то ещё его назвать невозможно в законе, где каждая буква, можно сказать, трактуется и толкуется. И толковаться она должна однозначно. И лист этот принимается именно к исполнению. И другое слово употребить нельзя, потому что это будет уже другая процедура...

Завелась я что-то.

Да-а-а-а, юр. образование бесследно для психики не проходит.

Я ничего не теряю

Вот мама моя – великий педагог. Правда, без образования. Вернее, образование-то у неё как раз есть. Хоть, можно сказать, она у меня без профессии осталась. Потому что образование у неё инженерное, что в Союзе указывало на совершенно неопределённую профессию. И к педагогике оно тоже не имеет никакого отношения. Тем не менее моя мама – великий педагог. Видимо, это у неё врождённое.

Мама на всю жизнь научила меня ничего не терять. Ни ключи, ни шапки, ни перчатки, ни зонты, ни, упаси бог, документы.

Если я и теряю что-то, ключи, например, или те же документы, то только на территории квартиры.

Могу положить их в надёжное место. И – забыть.

Нахождение этого надёжного места я могу забыть. Потом ищу. Иногда долго.

Но я спокойна – потому что вещь-то дома. Она не потеряна. И даже не забыта, поскольку я о ней помню и периодически лихорадочно ищу.

«А может, я в ту коробочку с цветочками ключи положила, которая у меня на полочке в письменном столе за шкапулочкой стоит? – вдруг среди ночи осеняет меня. – Точно! Где ж ещё? Уже всё обсмотрела. И там смотрела. Но, наверное, невнимательно. Потому и не заметила. Точно! Там!» –

лежу и думаю я до утра.

(Нет чтобы встать и посмотреть, успокоиться уже и спать дальше. Нет, надо верить, что заснёшь. А утром посмотришь. А ключи – там. Но мысли спать не дают. Ты их всё думаешь. И думаешь. И думаешь. И всё равно не спишь. Но и встать – это ж свет включать, это ж резь в глазах, это ж совсем сон разгонит...)

И так до утра.

А утром первым делом к коробочке с цветочками – нырк! Нет. Не там.

И роешь надёжные места всё утро по кругу, начиная со шкатулочки... И в такое утро точно опоздаешь. Проверено.

Но потом всегда находишь потерянное. Не в то утро. И не в другое. А может, вообще – вечером. А может, уже и не нужно. Может, уже дубликат с мужниных ключей давно сделан. Но рано или поздно – находишь. И всё-таки всегда приятно – не потеряла! Даже если и поздно нашла... И всё благодаря маме!

А вот теперь надо зайти издалека.

Как я уже говорила, мама моя осталась без профессии, хоть и с образованием. А папа был с профессией, а потом и образование соответствующее получил. Такое же, как у мамы – инженерное. Парадокс. Ну и что же... Папа почти с рождения всё мог починить. Он и сейчас может. То есть профессия его была предрешена, можно сказать, тоже с рож-

дения. А мама в техническом – ну ни бум-бум. Никак. Со-
всем. Даже я, трижды гуманитарий (загибаем пальцы: юри-
дическое, психологическое и журналистика) – больше в тех-
нике понимаю, чем моя инженерная мама.

Но, несмотря на это, образование у моих родителей тож-
дественное, они даже один институт закончили. Правда,
в НИИ разных работали, но по командировкам мотались
одинаково. Весь Союз объехали. Что-то там всё в других го-
родах инженерили.

И вот однажды моим родителям выпало уехать вместе.
А я в четвертом классе училась. Не то чтобы маленькая,
но и оставить одну на неделю как-то рано ещё. Бабушка
должна была приехать, чтобы за мной присматривать. Акку-
рат после уроков. А перед этим я дважды потеряла ключи
от квартиры. И вот теперь мне отдали последний дубликат.
Больше ни у кого, кроме мамы и меня, ключей не было: ни
у бабушки, ни у соседей, ни даже у папы. Уезжая, мама рас-
писала мне всю обстановку и припечатала строгим голосом:

– Не потеряй ключ!

– Ага, – сказала я и пошла в школу.

Прихожу после школы. Весёлая такая. Как сейчас помню.
Бабушка на лавочке сидит уже. Меня ждёт. С ключом.
В смысле, бабушка без ключа. Ей сказали, что я с ключом
буду.

Ну, доставай, говорит.

Я ищу ключ. Везде.

В карманах – нет. В портфеле – нет. Идём по следу моему к школе – может, думаем, по дороге потеряла? По следу – тоже нет. И в школе нигде, естественно, нет.

Тут опять придётся сделать отступление. Жили мы на втором этаже. И папа мой, дай Бог ему здоровья, всегда был и остается большим фанатом свежего воздуха. Окно в родительской спальне не закрывается никогда. Даже в двадцатиградусный мороз. И тут тоже осталось – уехали родители одновременно, окно никто закрыть не успел.

А раньше у подъезда всегда стояли лавочки, на которых бабки бдили. Тоже – всегда. (Вот куда теперь делись эти лавочки, непонятно мне? Кому мешали эти лавочки? Да и бабки тоже?.. Ну да ладно...) Но бабки выходили к вечеру, а из школы я возвращалась к обеду. Поэтому сгонять с лавочки никого не пришлось. Попросили мальчишек. Они поставили лавочки одну на другую, влезли по ним, как по лестнице, в открытое окно. И отперли нам дверь.

До приезда родителей мы с бабушкой выходили из дома строго по очереди. Ключ-то был единственный. Который я потеряла. И теперь даже дубликат сделать не с чего было.

Приехала мама.

Бабушка скупно рассказала.

Такой злой я маму, наверное, больше никогда не видела.

Она не кричала. Не ругалась. Ни-ни пальцем или там ремнём. Не-е-е-ет.

Первым делом мама сделала дубликаты. Для меня. Для

папы. Для бабушки. Для двух квартир соседней.

Перед тем как выдать мне ключ, мама достала коробку с рукоделием, нашла там самую красную, самую широкую, самую атласную ленту, вдела её в головку ключа и собственноручно повесила мне всё это на шею. При этом сказала:

– Будешь носить теперь так. Как малышня. Раз посмотреть за своими вещами не научилась.

А я и не обиделась. Мне даже не было стыдно ходить с этой красной лентой, которая выпирала из всей одежды. Спрятать её было невозможно. На моей тощей шее эта лента болталась, словно шарф. И убрать с шеи ключ на ленте было нельзя. Потому что мама сказала. И мама зорко следила: на месте ли ключ. С лентой.

Не помню уже, сколько я так проходила.

А мама даже не помнит этого случая.

Папа приехал позже и застал меня уже с лентой на шее. Воспринял это как данность. Историю с ключами ему как-то никто не рассказал.

Бабушка умерла...

Поэтому историю с потерянным ключом знаю только я. Теперь и вы.

А я с тех пор ничего не теряю. Только ищу. На территории квартиры.

В Даниловском монастыре

Была сегодня в Даниловском монастыре.

Минут сорок, может быть, там провела. Возможно, чуть больше. Ну, час от силы. А столько сценок, типажей перед глазами прошло, что на неделю, если не на месяц, хватит.

Вот хотя бы.

Стою в очереди за свечами. И что-то долго так. Почему-то ажиотаж с записками – люди в скиты какие-то о ком-то подают, акафисты заказывают, простые молебны, не простые (я уж не очень разбираюсь какие), цены уточняют...

У меня совсем голова кругом пошла. Тоже ведь думаешь – а вдруг и мне надо! И все так помногу записок подают. Штук по пять, а то и больше. И все именами испещрены. Красиво смотрится издалека...

А за конторкой женщина бойкая такая. Как орешки щёлкает – объясняет, что да как. Звонким таким голосом, с четкой дикцией, что нечасто наблюдается у женщин за церковными конторками – ни звона, ни дикции, ни внятности, бывает, не дождёшься. А эта особенная какая-то. И со вкусом всё делает. В удовольствие ей. Даже и в очереди стоять интересно – когда вот такая за конторкой сидит.

Но тут тётки какие-то совсем бестолковые подошли. Вернее, очередь их подошла. Уточняли всё, уточняли... Особенно одна совсем непонятливая. А та, звонкая, с такой же охо-

той объясняет. И очередь вроде тоже в моём настроении – слушает, думает заодно: может, и мне чё надо.

Вдруг мужик, стоящий за мной, громко так говорит:
– Ну совсем совести нет!

И эхо даже дрогнуло от неожиданности – эт-эт...

И очередь вздрогнула.

Тётка через какое-то время наконец отошла от конторки. Причём она не все дела переделала, а пошла что-то в записочках своих бессчётных дописывать или исправлять.

И тоже громко так, ни к кому не обращаясь конкретно:
– Вы уж извините меня, бестолковую.

А я и не обижалась, например. Я такая же бестолковая. А как к конторке подойдёшь – обычно последняя толковость пропадает куда-то.

Другая, её подруга, быстро управилась. Может, уже и боялась лишние вопросы задавать.

Тут и моя очередь подошла. Я тоже постаралась поскорее, чтобы дяденьку не нервировать. (В итоге забыла пряничный домик – миленький и малюсенький – купить, с жителем-медвежонком внутри. Ну да ладно! Может, и не нужен он мне.)

А за строгим дяденькой другой стоял. Я его так и не разглядела. Но голос добрый такой. Не благостный-постный, а именно добрый. И юмор в нём слышится, смешинка такая. И он тоже, не обращаясь как будто ни к кому, говорит:

– Место святое. Лишнюю минуту в нём постоять – ничего плохого тут нет, одна польза.

И книжечку с конторки взял с акафистами. Мол, можно стоять и молиться, например.

А тот, за мной который, взвился:

– А ничего, что я за пятьсот километров приехал?

– Ничего, – отвечает добрый со смешинкой голос.

– А ничего, что мне обратно ещё ехать?

– Ничего, – в ответ, – а то мог бы и не ехать...

– Да вот не мог! – всё больше раздражается мужчина «тупости» собеседника.

– А раз не мог, то стой и терпи. И жди своей очереди со смирением, – не меняя интонации, ответил голос, и его обладатель углубился в сборник акафистов.

А раздражённого проняло. Понял, похоже, что-то.

Даже меня проняло. Да и всю очередь, по-моему, тоже.

Вышла я потом из монастыря. И смотрю – с парковки эвакуатор одну за другой машины увозит. И сразу о раздражённом мужике подумала. Ведь и его машина там наверняка стояла. Наверняка. Больше негде было ставить. И он в церкви так говорил, что ясно было – именно на машине он пятьсот километров проехал. А не на автобусе или поезде.

И вот как ему теперь? Тип, конечно, неприятный. Ну, на мой взгляд. Но не до такой же степени.

Правда, какие-то машины ещё не эвакуировали. Может, успел...

Ещё одно сегодняшнее наблюдение.

Стою у иконы св. Пантелеимона. А чуть правее постамент для свечей (не знаю правильного названия, увы), которые ставят за упокой. Вдруг подходит мужик в синем халате (в таких уборщицы ходили во времена моего детства) и начинает там всё чистить от воска, свечи почти сгоревшие тушить...

Я прям встрепенулась – непривычно же, что такую работу мужчина делает. Обычно в церквях таким женщины занимаются. Стою, вполглаза наблюдаю за ним.

А мужик всё почистил, почти отгоревшие свечи убрал и давай остальные переставлять. Я сначала и не поняла его системы. Просто смотрела и всё. Думала при этом: вот ведь делать нечего! Потом въехала: он их в одинаковые ряды ставит. Ну, по росту. И ряды от возрастания на убывание размера свечи и обратно – вот его система. Перфекционист он. Родная, можно сказать, душа.

Поставил. По росту. Получилось красиво. Отошёл куда-то. А люди-то свечи ставят и ставят. Подходит он через минуту – опять не все в строю. Он давай снова выравнивать.

Тут парень молодой подошёл. Свечу самую большую, толстую, ручную, как будто сотами украшенную, ставит. Поставил. Голову на секунду склонил. И отошёл. Не перекрестившись.

А мужик-перфекционист неподалёку стоит. Наблюдает. И я наблюдаю. Перфекционист головой сокрушённо качает. Мол, нет, плохо свечку ставит (это ещё когда парень в процессе был). Я смотрю на ряды свечей. Никакой неправильно-

сти не вижу. Парень тем временем ушёл. А перфекционист подходит и переставляет свечу по своему разумению. Я сравниваю: стало ли лучше, ровнее? Особой разницы не вижу. Стою дальше. Перфекционист ещё поколдовал над свечами и отошёл тоже.

А я того и ждала. Чтобы я ему не мешала, ну, и он мне тоже. Ещё помедлила. Теперь уже прицеливалась – куда бы свечку поставить за упокой, чтобы перфекциониста не расстраивать. Искала глазами «правильное» место. Вроде бы нашла. Шасть туда, пока нет никого. И почти синхронно со мной перфекционист прямо материализовался из пространства и тоже прямиком к подсвечнику Пантелеимона. И давай его очищать-начищать.

А я про себя думаю: вот ведь! надо ж так! Я ждала, когда он мне место освободит, а он – когда я ему. Бывает же...

И последняя зарисовка, принесённая сегодня из Даниловского монастыря.

Я всегда, когда бываю там, напоследок захожу в «стекляшку», где продаются монастырские пирожки, медовики, рыбные котлеты, хлеб... Там можно выпить чаю или кофе вместе с выпечкой или даже котлету съесть. Со вкусом так съесть. Почти холодную. Как в детстве: на хлеб положил – вот тебе и бутерброд, и второе зараз. И сладким горячим чаем запить. Я вообще-то не пью сладкий чай. Только там. С котлетой. Или с пирожком.

Ну и в этот раз зашла. Взяла пирожок, чай. Хлебом для семьи запаслась – аж две буханки купила. Яблок ещё. Может, с голодухи.

А там два узких длинных стола поставлены прямо к окнам. Между ними дверь. Вообще места очень мало. И народ всегда толчётся. Но вот что странно – все всегда себе место находят. Какая-то естественная регулировка едоков и покупателей там происходит. Никогда хвост очереди, например, на улицу не высовывается. Всем места за столом хватает. Никто злобно не шипит: мол, ешь скорей, освобождай стол. Никогда. Вот там точно по поговорке: в тесноте, да не в обиде.

А в этот раз и за столами места было навалом. Конечно, я преувеличиваю... Но стоять плечом к плечу было не надо.

Стою, ем свой пирожок, пью чай и в окно смотрю. Наблюдаю. Много всякого люда вокруг. И много... монахов, наверное... (я ж по одежде не различаю) ... в общем, проходит мимо довольно много людей в чёрном. Все они в основном толстые, сытые, вальяжные. Есть и худые, как жерди. Середины пока не наблюдается.

Двое таких вот толстых заходят в «стекляшку». Встают в очередь, чтобы что-то купить. Я их краем глаза рассматриваю. У одного лицо... ну совсем не монашеское. (Да и у второго тоже.) А у меня воображение богатое. Я попыталась подставить это лицо к фигуре бандита из 90-х, как в «Фотошопе». Подошло. Взгляд его цепкий, наглый, ничего не боящийся, циничный... Подставила к фигуре политика – то-

же очень хорошо подошло. Чиновника – как родное приросло... И все они: бандит, политик, чиновник – какой-то средней руки. Имеющие власть и влияние, но знающие, что над ними тоже кто-то есть. При этом есть понимание, как с тех, верхних, что-то получить, как их продавить, но и где под них прогнуться. Да в общем-то, и фигура у этого первого была подходящая – в меру плотный, с небольшим животиком, среднего росточка.

Второй был выше и толще. С налётом импозантности. И такая вальяжность и грация полного человека в нём была – не отдышливого, а сильного, хорошо себя чувствующего в этой полноте. Он тянул на какого-нибудь политического деятеля рангом повыше. Ещё на журналиста, тоже работающего в области политики – то есть в высшей касте журналистов (так считается в этой профессии). Может быть, на какого-то деятеля околочультурья был похож. Но только в профиль. Если смотреть ему прямо в лицо, то оно отталкивало какой-то несимметричностью, изъяном, может, лёгким косяглазием. И сразу становилось ясно, что только здесь ему и место. Он попал по адресу. Нашёл свою нишу, говоря рыночным языком.

Тут их очередь подошла.

– Дайте мне пряников, – высоким бабьим голосом сказал первый.

«Да, он тоже на своем месте. С таким голосом нельзя быть бандитом, политиком или чиновником, хоть и средней ру-

ки», – подумала я.

– Ты будешь что-то покупать? – обратился недочинovníк ко второму.

– Нет, – тоже высоким, да ещё и капризным голосом сказал тот, – ничего не хочу.

И ушли. С пряниками.

И только я начала внутренне хмыкать насчёт монашеской братии Даниловского монастыря, как вдруг вижу толпу женщин. Идут радостные, оживленные, с фотоаппаратами. Паломническая экскурсия.

А впереди этой группы монах. Какой-то... красивый. Другой красотой. Настоящей. Сначала его самого и не видишь. Только глаза. Синющие. Кажущиеся огромными из-за света, который из них льётся. Прямо освещают всё вокруг себя эти глаза. В солнечный день с ними ещё светлее, хотя, казалось бы, уже и некуда.

Потом видишь лучики вокруг глаз. От улыбки. От постоянной внутренней улыбки. Которая и во внешний мир перетекает. Потом обращаешь внимание на фигуру – невысокий рост, поджарый, но не худой, без живота. Походка энергичная, но без суеты. Но и без напускной постности. Какая-то и походка необычная. Она не мирская.

И по нему видно, что он любит этих женщин – суетящихся, гомонящих (в святом месте, между прочим), фотографирующих (что не благословляется, между прочим). И он любит свою работу – рассказывать желающим про монастырь.

И вообще – он просто любит. Наверное, всех. Потому что эта любовь даже через стекло просачивалась. И вот его лицо я могла представить только ещё на иконе. И у него. И больше ни у кого.

Доела я свой пирожок, а экскурсия двинулась дальше, монастырь-то большой. Мне было жаль, что я не с ними. Вернее, не с ним. Что я не могу согреться ещё раз в свете его глаз. Не могу ещё раз окунуться в его улыбку...

О женском возрасте

Разговор с Дианой о возрастах.

– ... я вообще чувствую себя лет на двадцать пять, не больше, – говорю я.

– Мама, ты очень хорошо выглядишь. Видно, что ты молодая, **НО** умная.

Бардак

У Дианы в комнате вечный бардак. Она называет это творческой атмосферой. Мы с мужем периодически боремся с её беспорядком. Сегодня была очередь мужа. Заставил Диану разобрать её рабочий стол. Диана с папой не спорит, но мне выдала, когда я зашла проинспектировать результаты:

– «Только глупец нуждается в порядке – гений господствует над хаосом». Альберт Эйнштейн, между прочим...

И недовольно продолжила разбирать свои завалы.

Ну и что тут скажешь в ответ?!

Я тихо ретировалась.

Идеальная мама

Тут на днях прочитала в ФБ чей-то рассказ про детские обиды. Общий смысл сводился к тому, что родители часто бывают невнимательны к детям. Не оценивают вовремя их поделки и, вместо того чтобы похвалить, ругают за беспорядок, который через эти самые поделки случился в квартире. Или не поговорят, а накричат. А ребёнок очень нуждался в разговоре по душам. И всё это наносит незаживающие раны нежному сердцу ребёнка.

А впоследствии, казалось бы, пострадавшие в детстве люди, уже став взрослыми, повторяют те же ошибки. Но потом их осознают. И ужасаются. Как-то так там было всё описано.

Надо сказать, что родители меня никогда не ругали несправедливо. И поделки мои всегда хвалили. И особо не кричали на меня. Меня любили. Причём к родителям добавлялись бабушки, дедушки, соседи, дворничиха, нянечки, воспитатели, а потом и учителя...

И тем не менее я предъявляла маме претензии. У меня был свой список обид. Мама была виновата передо мной, потому что не читала мне сказки на ночь (вернее, читала, но недостаточно), не ходила на родительские собрания (вернее, не всегда ходила), театр мы мало вместе посещали (посещали, но мало). Ну и всё в таком роде.

Хотя я всегда прекрасно понимала, что мама работает. И ей бы отдохнуть в свои выходные, а не переться со мной на какой-нибудь детский утренник. И вот если она на него шла, то это было само собой. И как бы не засчитывалось. А вот если не шла – то в список претензий.

Всё это прекрасно понимая, я всё-таки решила, что «ошибок» своей мамы я не повторю. Уж я-то для своего ребёнка буду идеальной мамой! Буду всегда внимательной к его потребностям. Буду бдеть. Буду предугадывать. Буду ей самым-самым близким и лучшим другом. И лучшей мамой.

И вот у меня родилась первая дочь.

Я пела ей песни на ночь, пока она была слишком мала для чтения. Потом она подросла. И я ломилась через всю Москву, через все пробки, через все тернии, чтобы почитать ей сказку на ночь. Этого не могла сделать бабушка, которая была в тот момент с моей дочкой. Это должна была быть я! И я читала ей сказки, стихи, рассказы. В лицах. Меняя голос. Я терпеливо объясняла дочери, почему так, а не эдак. Иногда чуть не до двенадцати ночи.

Я лепила с ней, вырезала, клеила...

Я ходила на все утренники и на все родительские собрания.

Я покупала билеты на все интересные спектакли для детей и ходила на них со своим ребёнком.

Я учила её кататься на коньках.

Я выслушивала все её жалобы.

Если кто-то обижал мою дочь, будь то учителя или дети, я выдвигала такие полки и тяжёлую артиллерию, что обидчики в ужасе бежали прочь. Потом я понимала, что была, наверное... чуть резковата в своих действиях. Но это было потом.

Я предугадывала все её желания.

Каждый день рождения дочки я старалась сделать незабываемым...

Я очень старалась. Во всём быть идеальной.

И я не верила всем ужасам, которые рассказывали про переходный возраст. Я думала, что уж меня-то это не коснётся. У нас ведь такие доверительные отношения с дочерью!

Коснулось. И ещё как!

Казалось, в один день в нашем доме поселился чужой человек. Вот вчера был родной. Он вышел за дверь и не вернулся. А вместо него в дом пришёл чуть ли не враг. Пришёл кто-то колючий, чужой, отгородившийся от тебя непроницаемым защитным полем...

Сейчас всё это позади. И слава Богу! Правда, меня ждёт дубль два с младшей дочерью. И я опять надеюсь, что этот кошмар не будет таким кошмарным.

Но я всё это пишу не к тому.

Я вот к чему. Я не стала идеальной мамой. Несмотря на все свои усилия.

У моей старшей дочери свой список претензий ко мне. Я не могу представить себе ни одного пункта из него. Но точно знаю, что он есть. И подозреваю, что длинный.

И, осознав это, я мысленно сожгла свой собственный список для моей мамы. (И папы тоже, но сейчас речь не об отцах и детях, посему оставим за скобками, вернее, в данном случае, в скобках эту тему.) Я поняла, что моя неидеальная мама идеальна для меня. Именно поэтому я такая, какая есть. Лучшей мамы у меня и быть не могло, да я никогда и не хотела этого. Mamochka, прости меня за этот список!

И вот что ещё я осознала. Обиды будут всегда. Если не на родителей, то на одноклассников или учителей, на врачей, попутчиков в автобусе, на контролёра в кино... Кто-то да ранит. Кто-то да преподаст тот урок, который полагается нам или нашему ребёнку для внутреннего роста.

Я не была идеальной мамой. Но не потому, что была невнимательна к ребёнку, груба с ним. Не потому, что я чего-то недодала своей дочери.

Я не была идеальной мамой, потому что слишком оберегала свою дочь от ран. И от жизни. Слишком боялась, что её кто-то обидит. Создавала ей слишком идеальную среду.

Делая что-то С НЕЙ, я, в сущности, делала это ЗА НЕЁ.

Стремясь предугадать желания дочери, я лишала её собственных желаний. Я отнимала у неё радость от их исполнения. Отнимала мечту.

Окружая её чрезмерной заботой, я давала ей слишком мало пространства. Ей было душно от моих оберегающих объятий.

Укрывая её от превратностей жизни, я жила ВМЕ-

СТО неё.

Правда, я уверена, что этих пунктов нет в обвинительном списке моей дочери. Они другие. И в них обязательно есть какой-нибудь пропущенный утренник.

«Плохой-хороший полицейский»

Я тут писала об идеальных мамах. Что идеал в принципе недостижим. Конечно, я не открыла при этом какой-нибудь новый континент. Но я задумалась: а почему это у нас нет таких завышенных требований к отцам? У меня вот, положила руку на сердце, и не было списка претензий к папе. А к маме – был. Почему от папы не требовалось читать мне на ночь сказки, ходить на родительские собрания и тому подобное?

Папа проводил со мной много времени. У нас с ним были какие-то свои игры, секреты, шутки. Они были только наши и ничьи больше. С мамой мы не играли никогда. Тем не менее, когда я сильно баловалась и папа ничего не мог со мной поделать, он звал маму. И мама гаркала. Громко. И даже страшно.

То есть папа играл, а мама наказывала. Папа играл, а мама лечила, давала противные лекарства. Папа играл, а мама должна была ходить на родительские собрания и ругать за плохое поведение в школе (потому что сами оценки у меня всегда были хорошие, ну, почти). Папа играл, а мама в это время готовила еду или убирала квартиру...

При таком раскладе сил список претензий к маме автоматически пополняется новыми пунктами, а папа – всегда молодец. Очень хорошо!

Можно представить себе домостроевскую модель, ко-

гда отец является карающим органом. Тогда будут обиды на него. А если ещё и мать будет ущемляться в своих правах, то её ребёнок будет жалеть. Но тоже как-то не хочется иметь такую модель в своей семье.

Конечно, можно закатить глаза под небеса и вещать о равном участии родителей в воспитании ребёнка. И о равноправии у плиты.

Но вся история человечества подталкивает нас к тому, что разделение труда экономически более выгодно. Конечно, какие-то вещи в семье нужно делать вместе. Например, лепить пельмени. Ходить в гости, петь застольные песни, ездить отдыхать... Да много чего!

Но разделения труда – а значит, обязанностей и ролей – не избежать. Иначе – анархия и экономический хаос в отдельно взятой семье. То есть придётся в конце концов делить между собой роли «плохого полицейского» и «хорошего».

Вот интересно, кто у нас в семье кто? Обычно в гостиницах, если нас плохо обслуживают, мы с мужем делим роли так: он плохой, а я – соответственно.

А в семье? Надо спросить у детей.

И снова про плохого и хорошего полицейского

Для социума мы с мужем делим эти роли так: он плохой, а я – другой.

Однажды мы были в Вене. Жили в каком-то шикарном отеле, где шикарной была не только сантехника, но и все охранные системы работали с шиком. У меня даже почта на «Яндексе» не открывалась – почему-то системой безопасности она причислялась к опасным сайтам и блокировалась. Я такого никогда не встречала. У мужа не открывалась половина новостных сайтов. И не работали «Танки».

Толмач в нашей семье – я. Я всегда всё перевожу. И всегда со всеми веду переговоры. Поэтому в течение трех дней я звонила на рецепцию и, используя весь свой арсенал вежливых оборотов на английском языке (некоторые, как выясняется, чуть ли не к староанглийскому относятся, но так уж меня учили), просила наладить нам интернет. Потому что я веду важную переписку. Потому что муж мой нуждается в бизнес-новостях, чтобы правильно вести свой бизнес. Надо же солидности на себя нагнать! И последний железный аргумент тоже использовался: в конце концов, у них пять звёзд или где?

И каждый раз мне вежливо отвечали, что менеджера

по интернет-безопасности нет на месте. Но через час он обязательно со мной свяжется.

Мы не шли на экскурсии. Мы откладывали обед. Мы не ломались на распродажи. Мы ждали звонка менеджера по безопасности. А он не звонил. Через два часа звонила я. И всё повторялось. И так три дня.

В конце концов, мужу это надоело. После очередного вежливого ответа рецепции он взял трубку из моих рук и заговорил в неё сам. На чистом русском языке, где цензурных слов было штуки три, он сказал всё, что он думал об этом отеле, о менеджере по безопасности и о родителях того, кто внимательно слушал речь моего мужа.

Через пятнадцать минут неуловимый менеджер уже был в нашем номере. Через час у нас работали все нужные сайты, моя почта и «Танки».

Я вежливо проводила менеджера до выхода из номера. Сказала ему почти на староанглийском большое спасибо. И мило улыбнулась. Он сочувственно посмотрел на меня.

У нас в Вене была знакомая, которая и заказывала нам этот отель и которая периодически общалась с рецепцией. Потом она передала мнение персонала о нашем семействе. Оно было приблизительно таким (сопровождалось закатыванием глаз, одобрительным прицокиванием и сочувственными улыбками): «У него такая добрая и интеллигентная жена! Она просто ангел. А какая вежливая! И воспитанная!»

И за скобками: «И как она только живёт с ТАКИМ?!»

Действительно! И как я живу с таким?

Да хорошо живу!

Если бы не муж, не увидела бы я своей почты до Москвы.

И меня всю жизнь мучает один вопрос: почему это быть вежливым и интеллигентным – хорошо? Кто это придумал? Наверное, тот, кому очень удобно пользоваться вежливостью вежливых.

Когда не пишется...

Когда не пишется, то можно сойти с ума...

Можно. Но почему-то не сходится – в смысле, с ума.

У меня сейчас вот именно это – сойти бы. Чтобы забыться уже. И не страдать этими муками творчества. Но не получается. Рассказ застрял на полпути. И всё я про него знаю. Что там будет и как. А вот слова нужные не подворачиваются под руку. Корявые какие-то лезут. Всё не те!

Вообще-то, я предприимчива. Просто так не сдаюсь. Всячески зову рабочее настроение и нужные слова: раз пятый меняю дислокацию компьютера в рамках квартиры. Но каждый раз возвращаю его на свой рабочий стол. Оный я уже три раза переставляла. То так, то эдак, то разэдак.

Свечи у меня горят по всему дому. словно романтическое свидание музе назначаю. Не идёт, зараза!

Пью галлоны чая (обычно помогает). Уже и чёрный с апельсином заварила. И цветочный. И травяной. Тщетно. Не шуршит крылами над моей главой вдохновение.

Наоткрывала от нервов страничек в разных социальных сетях, поназагружала всякого... добра на свой телефон, вычистила все почтовые ящики, подновила свой сайт...

А муза всё не изволят.

Музыку слушаю. Освещение регулирую: то лампу включу, то бра...

Шамана вот только с бубном ещё не было.

Хотя бубен есть.

Пойду в него бить.

Говорящая собака

Давно хотела написать про одну семью и их собаку.

Но сначала несколько сентенций (вы уж извините, никак не могу не сказать). Я абсолютно уверена, что проблемы детей – это проблемы родителей. Если ребёнок невоспитан, то причина в родителях. Это наглядно и очевидно. А вот болезни, например, не так просто связать с мамами-папами-бабушками и их тараканами. Но связь прямая. И давайте оставим генетику в покое. Почему-то одному передаётся, а другому – нет. Или даже так: один имеет какие-то фатальные последствия от этой «передачи», а другой всю жизнь не замечает «плохой» наследственности.

Ну так вот. Я тут про воспитание. А не про тараканов в голове. О них потом как-нибудь.

Так же и животные. Они похожи на хозяев.

Я знаю одну семью. У них есть собака. Когда с ней знакомятся владельцы ресторанов, то в качестве исключения разрешают ей посещать их заведения. Хотя остальным её пёсым сородичам вход туда по-прежнему воспрещён.

Хозяева ресторанов не умиляются на собаку. Не сюсюкаются с ней. Нет. Они видят, что собака воспитана. Понимают, что ей можно доверять. Поэтому и делают исключение.

И это не какая-нибудь служебная овчарка, выдрессированная кинологом. Вовсе нет. Просто у неё на лице написано

большими буквами: интеллигентная собака.

И никто её прямо уж так специально не воспитывал. Но с ней разговаривают по-человечески. Во всех смыслах. И она отвечает. Тоже практически по-человечьи. Потому что когда с любым по-человечески обходишься, то и он тебе отвечает тем же. И даже я понимаю речь этой собаки. А ведь я ни разу не переводчик с собачьего; скажу больше, первый раз вижу говорящую.

И дело не в породе. Не в каких-то чудесах. А в этих людях.

Потому что у интеллигентных людей – и дети интеллигентные, и собаки, и хомяки. И даже рыбки аквариумные.

Поэтому если кто-то недоволен своими детьми, то все вопросы к себе, к родимому.

Содержание женской сумочки

Содержание женской сумочки – непостижимая загадка для мужчин.

А содержание сумочки будущей женщины – непостижимая загадка и для женщин. Как это сегодня выяснилось...

Возвращается Диана из школы. А в школу она ходит с портфелем и с дамской сумочкой. Там телефон, карманные деньги, наушники и... всё остальное, загадочное. В сумочке, я имею в виду.

В портфеле – своя, иногда шокирующая меня, жизнь (в нём, кроме тетрадей, ручек и учебников, может находиться бутерброд неопределяемой давности, что-нибудь сломанное – линейка там или карандаш, бумажки какие-то замусоленные... ну и всё в таком роде).

Нутро же сумочки, как я по наивности думала до сегодняшнего дня, должно быть мне понятно.

Я вообще-то по дочкиным сумочкам не лазаю. Так как считаю, что это сродни чтению чужих писем. Должно быть у неё своё личное пространство. Обязательно должно быть.

Но сумочка сегодня упала. И перевернулась при этом. Она была застёгнута, поэтому из неё ничего не выпало. Только... высыпалось. Вернее, высыпался. Сахар!

Горстка сахара. Приличная такая горстка...

Ну и всё.

У меня больше нет слов.

Сочетаемость

Выбираем с Дианой домашнюю одежду для неё. Не в магазине, в её ящике ищем. Верх дочь уже выбрала. Теперь лосины смотрим.

Я говорю:

– Возьми эти.

(По цвету они вполне к одобренной трикотажной кофте подходили.)

– Мама, ты ЧТО?

– А что?

– Кофта же с кошкой. А на лосинах собаки. Как ЭТО может сочетаться?

Приглядываюсь к загогулинам на лосинах – да, действительно, таксы мелкокалиберные по всей поверхности разбрелись...

Вот и разница: я по цвету смотрю, а ребёнок по смыслу.

Селфи с Лермонтовым

Вчера с Андреем Корольковым были в Лермонтовке, на вечере поэзии. Выступали молодые поэты.

Ну и, конечно, по нашей уже сложившейся традиции без селфи мы с Андреем не ушли.

Решили сняться с Лермонтовым, втроём. В фойе библиотеки бюст его стоит, красивый такой, бронзовый.

Вот малая часть комментариев Андрея:

«А откуда у тебя вдруг такая рязанская физия?»

«Нет, давай сторонами поменяемся, я с другой стороны фотогеничнее как-то... Нет, давай обратно, было лучше...»

«Теперь в кадре только один мой нос из всего лица...»

«Нет-нет, Михаил Юрьевич пусть посередине будет, не надо, чтобы он мне в затылок дышал...»

«Из 11 попыток дубль второй – лучший. Как обычно...»

В Маяковке на «Мертвых душах»

Была сегодня в Маяковке на «Мертвых душах». В постановке Сергея Арцибашева.

Светлая ему память.

Какой же талантище! И как несправедливо с ним обошлась Маяковка. Лучшие её спектакли – его спектакли. Самые кассовые спектакли – его. И, наверное, самые долгоживущие – тоже его.

Но в Маяковке ни в одном, даже самом захудалом, уголке нет портрета Арцибашева.

Даже после его смерти не хотят отдать ему долг. Долг если не благодарности, но хотя бы памяти...

Хорошо, на программках не вымарали его имя.

Он умер, а его спектакли живут. Как и произведения Гоголя.

Арцибашев для меня – великий. Потому что он понимал главное в искусстве – зритель-читатель-слушатель в конце должен испытывать катарсис. Ради этого очищения всё и делается. Ради очищения души.

И ещё. Я другими глазами посмотрела на Плюшкина. Пожалела его. Полюбила даже. И вот странно: я, психолог, должна бы знать, что патологическое накопительство происходит не от жадности, а от душевной травмы. От желания защититься вещами. Или же от желания удержать. Плюшкин

не смог удержать жену – она умерла. А он любил её. Вот она, травма. А потом пошло-поехало: дочь сбежала, сын ушёл (понятно, что обстановка дома всё ухудшалась, тут на край света сбежишь, но Плюшкин-то хотел как лучше для них...) А младшая ещё хуже – умерла. Всех потерял. Никого не смог удержать. Так хотя бы вещи... Хотя бы то, что подвластно...

С детства забитый в сознание образ смешного и жалкого скряги не давал всё это увидеть раньше. А тут – ясно и чётко показали. И Гоголь ведь тоже понимал в этом, не зря же он рассказал нам о жене и детях Плюшкина. Вот ведь как...

И Чичиков там такой... Всегда думала – так ему и надо. А тут – жалела его от души. И желала ему счастья, семьи и сберечь душу...

Спасибо, Мастер! Всё, посеянное Вами, живо!

И ещё раз. Гоголю. Или наоборот. Думаю, уже не важно...

Спасибо, Мастер! Всё, посеянное Вами, живо!

В театре «Современник»

В эту среду была в театре «Современник», смотрела спектакль на малой сцене. Там она называется *другой*.

Вообще, поняла, что больше люблю посещать малые сцены – там действительно спектакли *другие*.

Компактность зала, зачастую отсутствие сцены как таковой: нет ни возвышения, ни занавеса, – создает другую атмосферу. Часто скудость места компенсируется нестандартными сценическими решениями. В общем – люблю я эти *другие* сцены!

Вот и в среду всё было... Я ведь и не писала, потому что не могла сформулировать всю гамму чувств, которые всколыхнул этот спектакль. Да и сейчас ещё очень сложно обо всём этом говорить. Волна, поднятая в моей душе в среду тем действием, ещё катится куда-то, дышит, перебирает прибрежные камушки, живёт...

Спектакль называется «Время женщин», он поставлен по пьесе, или рассказам, или роману, уж не знаю точно, Елены Чижовой. Режиссёр – Егор Перегудов. Время действия, вообще-то, совсем «не моё» – 50-е и начало 60-х. Я больше люблю всё, что с середины 60-х: фильмы, моду, музыку, дизайн мебели, принты на одежде и обоях...

Спектакль начинается с того, что на плите закипают чайники – из их носиков начинает идти пар. И весь спектакль

так: условность, принятая в театральном действе, соединяется с потрясающей достоверностью деталей (например, героиня режет настоящий лук и взаправду жарит его на плите, от чего по залу разливается лёгкий (не противный!) запах жареного лука).

Я не буду пересказывать сюжет, это неблагодарное дело. Скажу одно – спектакль тяжёлый. Там не постоянного «ха-ха», которое так и хлещет из телевизора в последнее время. Чернуха и ха-ха. Ха-ха и чернуха. Перемежаются они так... Да и во многих театрах это бесконечное «ха-ха» поселилось, кажется, навечно. И всё оно почему-то ниже пояса находится...

В этом спектакле есть глубинный юмор. Ведь его можно найти даже в самой трудной жизненной ситуации. Можно его найти. Можно. Всегда можно улыбнуться. Если сила духа позволяет. И там это есть. Есть всё – любовь, слёзы, смерть... и юмор. И радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.